

КВАНТОВАЯ НОЧЬ

«Стремительное, расширяющее кругозор исследование природы личности и самосознания, балансирующее с эзотерическими теориями и экшеном... Политические и медиаотсылки делают сюжет пугающе современным».

Publishers Weekly

РОБЕРТ СОЙЕР

fanzon

Fanzon. Наш выбор

Роберт Сойер

Квантовая ночь

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.111-312.9(71)
ББК 84(7Кан)-44

Сойер Р. Д.

Квантовая ночь / Р. Д. Сойер — «Эксмо», 2016 — (Fanzon. Наш выбор)

ISBN 978-5-04-100456-9

Психолог-экспериментатор Джим Марчук разработал методику для выявления скрытых психопатов. Но, будучи подвергнут допросу об этих исследованиях в суде, Джим обнаруживает, что потерял воспоминания двадцатилетней давности о периоде своей жизни длиной в шесть месяцев – времени, в течение которого он сам, возможно, совершал отвратительные поступки. Спустя много лет он встречает Кайлу Гурон – бывшую подругу из своего прошлого. Сегодня она – квантовый физик, сделавший ошеломительное открытие о природе человеческого сознания. Поскольку поток насилия и ненависти, все разрастаясь, катится по миру, психолог и физик объединяют свои усилия в гонке за время.

УДК 821.111-312.9(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-100456-9

© Сойер Р. Д., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Квантовая ночь	6
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Роберт Сойер

Квантовая ночь

Robert J. Sawyer
Quantum Night

© 2016 by Robert J. Sawyer

© В. Слободян, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Квантовая ночь

Посвящается Чейз Мастерсон, прекрасной внутри и снаружи.

Возможно, это обязательное свойство любой теории сознания – чтобы она содержала по крайней мере одну безумную идею.

Дэвид Чалмерс

1

Некоторые мои коллеги с факультета психологии Университета Манитобы считают преподавание неудобством – «неотвратимым злом», как его называл Менно Уоркентин, возмущаясь количеством времени, которое оно отнимает от его исследований, – однако я обожаю преподавать. О, возможно, не так сильно, как люблю бананы, или смотреть по десятку старых эпизодов «Умерь свой пыл» или «Замедленного развития»¹ кряду, или фотографировать в телескоп шаровые звёздные скопления, но если брать только то, за что мне платят деньги, то преподавание – одно из самых любимых моих занятий.

Да, учить первокурсников – та ещё морока: огромные аудитории, заполненные спёртым воздухом и бесконечными рядами исходящих страхов подростков. Хотя мой собственный первый курс был больше двадцати лет назад, я живо помню, как записывался на вводный курс психологии в надежде разобраться в сбивающей с толку мешанине тревожности и влечений, что бушевала тогда – да и сейчас тоже – внутри меня. *Cogito ergo sum?* Скорее, *sollicito ergo sum* – беспокоюсь, следовательно, существую.

Но тем серым утром у меня было занятие по курсу «Неврология этики» для третьекурсников, на который записалось меньше студентов, чем в феврале дней, и это сделало возможным не только лекцию, но и диалог.

На прошлом занятии у нас была оживлённая дискуссия о Ватсоне и Скиннере, конкретно – об их идее о том, что люди – не более чем реагирующие на стимулы машины, чей «чёрный ящик» мозга предсказуемо реагирует на входные сигналы. Но сегодня, вместо того чтобы продолжить разрушение бихевиоризма, я счёл необходимым уклониться на тёмную сторону, продемонстрировав с помощью смонтированного на потолке проектора фотографии из Саваннской тюрьмы, появившиеся на ВикиЛикс² в эти выходные.

Некоторые из них были просто отдельными кадрами из видеозаписей камер наблюдения; охранники на них сняты камерой под потолком и не позируют. Хотя изображённое на них было жестоко, не эти фото были самыми страшными. Нет, по-настоящему тошнотворными – до колик в животе, до желания отвести взгляд, до отказа верить своим глазам – были постановочные фото напоя: фото охранницы, которая поставила ботинок на спину заключённой и с радостной рожей показывает большой палец крестину, держащему айфон; фото двоих мужчин в униформе, подбрасывающих измождённого голого заключённого к потолку, да так сильно, что, как показал позже рентген, его череп треснул в трёх местах. Снимок усатого сержанта, присевшего над лежащим заключённым и испражняющегося ему на грудь, – одной рукой он зажимает заключённому рот, другой показывает знак мира; фото потом прогнали

¹ Американские телесериалы-ситкомы.

² WikiLeaks – международная некоммерческая организация с открытой структурой наподобие Интернета, которая публикует секретную информацию.

через Инстаграм, чтобы сделать его похожим на старомодный снимок «Поляроида», с белой рамкой и прочим.

У меня закрутило в животе, когда я демонстрировал всё это слайд за слайдом, одно злодеяние за другим. Господи, да ведь прошло уже шестнадцать лет с Абу-Грейб и полстолетия со «Стэнфордского тюремного эксперимента» Филипа Зимбардо. Мало того что, как предполагается, охранникам рассказывают о ситуативном давлении и учат ему противодействовать, двое из запечатлённых учились на курсах надзирателей. Они знали о Зимбардо; они знали об экспериментах Стэнли Милгрэма с электрошоком и подчинением авторитету; они читали конспекты отчёта Тагубы о зверствах в тюрьме Абу-Грейб.

И всё же, несмотря на то что их специально учили распознавать эти «ловушки» и избегать их – слово на первый взгляд безобидное, но, если задуматься, подразумевающее падение в бездну, следование за Люцифером в самое пекло ада, – эти мужчины и женщины дегуманизировали того, в ком ощущали врага, и в процессе утрачивали свою собственную человеческую сущность.

– Итак, – говорю я, заглядывая в лица своих шокированных студентов, – что мы из этого можем извлечь? У кого есть идеи?

Первым руку поднял Эштон, у которого до сих пор прыщи и который ещё не знает, что бороду вообще-то можно и подстригать. Я указываю на него:

– Да?

Он разводит руками, словно истина в данном случае очевидна.

– Всё просто, – говорит он, кивая на экран за моей спиной, на котором я оставил последний слайд: долговязый охранник по имени Девин Беккер убивает голого заключённого, удерживая его голову под водой в раковине тюремной камеры. – Невозможно изменить человеческую природу.

Примерно год назад мне позвонили.

– Алло? – произнёс я в чёрную трубку офисного телефона.

– Профессор Джеймс Марчук?

Я закинул ноги на красновато-коричневую крышку своего рабочего стола и откинулся на спинку кресла.

– Он самый.

– Меня зовут Хуан Гарсия. Я из команды защиты Девина Беккера, одного из охранников Саваннской тюрьмы.

Я хотел было сказать: «Ну, он оставил вам не слишком много работы», но вместо этого просто ответил:

– Да?

– Моя фирма хотела бы вызвать вас в качестве свидетеля-эксперта на процессе мистера Беккера. Обвинение требует смертного приговора. Мы, по всей видимости, проиграем процесс – видео с камер наблюдения чертовски показательны, но мы можем по крайней мере не дать казнить Беккера, если убедим присяжных согласиться с тем, что он по-другому не мог.

Я нахмурился.

– И вы так считаете, потому что?..

– Потому что он психопат. Вы писали в своём блоге по поводу Леопольда и Лёба: «Нельзя казнить человека лишь за то, что он тот, кто он есть».

Я кивнул, хотя Гарсия не мог этого видеть. В 1924 году два состоятельных университетских студента, Натан Леопольд и Ричард Лёб, убили мальчика чисто ради развлечения. Леопольд считал себя и Лёба образцовыми примерами ницшеанского сверхчеловека³ и в силу этого

³ Übermensch (нем.).

полагали, что не связаны законами, обязательными для обычных людей. Суперменами они не были, а вот психопатами были определённы. Их родители наняли в качестве защитника самого Клэренса Дэрроу. В своей ошеломительной двенадцатичасовой заключительной речи Дэрроу избрал стратегию защиты, о которой, по всей видимости, думал сейчас Гарсия, доказывая, что Беккер не может быть казнён за деяния, продиктованные ему его природой.

Я снял ноги со стола и наклонился вперёд.

– А Беккер в самом деле психопат? – спросил я.

– В этом-то и проблема, профессор Марчук, – ответил Гарсия. – Окружной прокурор велел провести оценку по методу Хейра, который дал Беккеру семнадцать баллов – гораздо меньше, чем требуется для признания человека психопатом. Но мы считаем, что их эксперт ошибся; наш эксперт получил тридцать один балл, что означает явную психопатию. И в общем, воспользовавшись вашей новой методикой, мы могли бы доказать присяжным, что правильна именно наша оценка.

– Вы знаете, что результаты моего теста ещё ни разу не были приняты судом?

– Да, мне об этом известно, профессор Марчук. Мне также известно, что никто пока не пытался приобщить их к делу в качестве доказательства. Но я держу в руках вашу статью из «Природы неврологии». То, что она была опубликована в таком уважаемом и престижном научном журнале, даёт нам прекрасный шанс; Джорджия следует Добертовским стандартам приемлемости доказательств. Однако нам нужны вы – лично вы, основной автор публикации, – для того чтобы применить ваш метод к Беккеру и дать показания о результатах: только тогда у нас будет шанс заставить суд принять это свидетельство.

– Что, если я покажу, что Беккер не является психопатом?

– В таком случае мы всё равно оплатим затраченное вами время.

– И похороните результаты?

– Профессор, мы уверены в исходе.

Дело было вроде бы стоящее – но и то, чем я занимался здесь, тоже.

– У меня довольно плотное расписание, и...

– Я знаю, профессор. Я как раз сейчас просматриваю его на сайте вашего университета. Но процесс, вероятно, не начнётся раньше летних каникул, и к тому же, прямо скажем, это шанс что-то изменить. Я читал ваш «разумно моральный» блог. Вы против смертной казни – вот вам шанс помочь не дать ей свершиться.

Мой компьютер как раз в этот момент показывал план дневного занятия по Психологии морали. На нём я собирался цитировать исследование студентов Принстонской семинарии, которые, опаздывая на проповедь, где собирались разбирать притчу о Добром самаритянине, прошли мимо человека, упавшего в переулке, не обратив на него внимания, потому что сильно торопились.

«Живи так, как учишь жить» – я всегда это говорю.

– Хорошо. Можете на меня рассчитывать.

* * *

Сразу после выхода из разгрузочного тоннеля в аэропорту «Хартсфилд-Джексон» я зашёл в маленький магазинчик купить бутылку «Кока-зеро» – здесь, в Атланте, штаб-квартире «Кока-Колы», «Пепси» нигде не было и следа. Без всякой задней мысли я на автомате протянул женщине за кассой банкноту в пять канадских долларов.

– Что это? – удивилась она, взяв её в руки.

– О! Простите. – Я полез в бумажник – мне всегда приходится внимательно рассматривать американские деньги, чтобы определить их достоинство, потому что все они одного цвета, – и выудил из него бумажку с Эйбом Линкольном.

В магазине, кроме меня, не было других покупателей, а женщину, похоже, заинтересовала синяя полимерная банкнота, которую я ей дал. Внимательно осмотрев бумажку, она посмотрела на меня и сказала:

– Тут нигде не говорится про Бога. У вас там богобоязненная страна, или как?

– Э-э... ну, мы верим в отделение церкви от государства.

Она вернула мне банкноту.

– Такого не бывает, – сказала она, – и нахмурилась, будто что-то вспомнив. – Вы там все социалисты, да?

Вообще-то до самого последнего времени в Канаде было гораздо более консервативное руководство, чем в Штатах. Когда в 2006 году премьером стал Стивен Харпер, в Белом доме сидел Джордж Буш, и либеральными канадцами – в основном населяющими университетские кампусы – Харпер воспринимался как меньшее из двух зол. Но когда в Штатах избрали Барака Обаму, лидер Канады оказался куда более правым политиком. Харперу удавалось удерживать власть почти десятилетие, однако сейчас Канадой управляла коалиция меньшинства⁴, сформированная Либеральной партией и социалистами Новой Демократической.

– Типа того, – ответил я, хотя подозревал, что её понимание термина «социализм» отличается от моего. Я протянул ей американскую пятёрку, забрал свою канадскую банкноту и сдачу и взял свой «поп», или «соду», или как ещё они здесь называют кока-колу.

Это был мой первый приезд в США, с тех пор как Квинтон Кэрроуэй стал президентом, и я был удивлён тем, что из громкоговорителей снова постоянно звучат предупреждения о террористической угрозе: при Обаме они были исчезли, но сейчас вернулись с новой силой. Раньше они неизменно формулировались как «Министерством внутренней безопасности объявлен оранжевый уровень угрозы» – что было лишь наполовину эффективно, потому что приходилось запоминать коды, чтобы знать, что оранжевый – это новый чёрный, то, чего, как предполагалось, белый человек боится больше всего, состояние в шаге от неминуемого нападения. Новая версия предупреждения, транслируемая примерно раз в три минуты, была сформулирована более прямолинейно, и, если я не ошибаюсь, голос был узнаваемым президентским баритоном: «Будьте бдительны! Вылазка террористов может произойти в любой момент».

И если говорить о пропаганде... несмотря на то что в Атланте также располагалась штаб-квартира «Си-эн-эн», когда я пришёл в зону выдачи багажа, на огромных телевизорах, свисающих повсюду с потолка, как бульдозерные ковши, был сплошной «Фокс ньюс». Оруэлл был прав, когда говорил, что контролирующие мышление сообщения будут закачиваться в голову двадцать четыре часа в сутки посредством телеэкранов, и он сразу узнал бы их в телевизорах аэропорта, которые невозможно выключить. Что привело бы его в изумление, так это то, что миллионы людей добровольно включают их и смотрят у себя дома, часто по многу часов кряду.

Я узнал Мегин Келли, хотя обычно видел её лишь в сатирических клипах на «Дэйли шоу».

– Но послушайте, – говорила она, – это ведь установленный факт, что тот парень находился в нашей стране нелегально.

– И должен был заплатить за это жизнью? – сказал мужчина – сразу видно, сегодняшний либеральный жертвенный агнец.

– Я этого не говорила, – ответила Келли. – Очевидно, что те трое действовали ненадлежащим образом.

– Да что вы говорите? – удивился мужчина. – Ведь они сделали *в точности* то, что намеревался сделать губернатор Макчарльз, разве нет?

– О, перестаньте! – вмешалась другая женщина. – Губернатор Техаса имел в виду лишь...

⁴ Правительство, в котором составляющие его партии не обладают абсолютным большинством в парламенте.

– Весь смысл Закона Макчарльза, – прервал её мужчина, – состоит в провоцировании таких нападений. Переопределение убийства как «причинение смерти *легально* проживающему лицу»! Что это, если не сигнал каждому гопнику, что полиция будет смотреть в другую сторону, если иммигранта без документов *почему-то* найдут мёртвым?

– Смысл закона в том, – ответила женщина, – что нелегальные иммигранты не могут обманывать закон и в то же время ожидать защиты с его стороны.

– Да боже ж ты мой! – воскликнул мужчина, лицо которого уже начало краснеть. – Макчарльз готовит почву для погромов!

Я схватил свой чемодан и пошёл искать такси, радуясь, что оставляю спорящих в телевизоре позади.

* * *

Я узрел чудовище.

Во всяком случае, одно из них. Согласно обвинительному акту – их было шестеро, девять – если верить «Хаффингтон пост», которая утверждала, что ещё трое служащих исправительной колонии, которых должны были обвинить, избежали преследования. Но этот, по общему мнению, был их главарём: Девин Беккер был тем, кто подбил остальных охранников, и единственным, кто на самом деле кого-то убил.

– Тридцать минут, – сказал здоровяк-сержант, глядя, как Беккер устраивает своё долговязое тело на металлическом стуле. Ирония момента не прошла мимо меня: теперь Беккер сам находился под опекой тюремного охранника. *Quis custodiet ipsos custodes?* Действительно: кто надзирает за надзирателями?

У Беккера были высокие скулы, и вес, потерянный им с тех пор, как было записано печально известное видео, сделал их ещё более заметными. То, что обтягивающая их кожа была бледного белого цвета, лишь добавляло его образу жути; наденьте на него чёрный капюшон, и он сможет играть в шахматы с человеческой душой⁵.

– Вы кто? – спросил он, слегка растягивая гласные на южный манер.

– Джим⁶ Марчук. Я психолог из Университета Манитобы, в Виннипеге.

Беккер скривил верхнюю губу.

– Не желаю участвовать ни в каких экспериментах.

Я хотел было ответить: «Уже участвуете». Хотел ответить: «Эксперимент проводился несколько раз, и это – очередное ненужное повторение». Я даже хотел ответить: «Был бы это эксперимент, мы могли бы его прервать, как Зимбардо в Стэнфорде». Но в реальности я ответил так:

– Я здесь не для того, чтобы проводить эксперименты. Я собираюсь выступить на процессе свидетелем-экспертом.

– На стороне обвинения или защиты?

– Защиты.

Беккер немного расслабился, но подозрительность из его голоса не исчезла.

– Я не могу себе позволить крутых экспертов.

– Как мне сказали, за всё платит ваш отец.

– Мой отец. – Он буквально выплюнул эти слова.

– Что?

– Если бы я был ему интересен, то на вашем месте сидел бы он.

⁵ Возможно, отсылка к фильму Ингмара Бергмана «Седьмая печать», где Смерть играет в шахматы с душой умершего человека.

⁶ «Джим» – уменьшительный вариант имени «Джеймс» (англ.).

– Он не приходит повидаться с вами?

Беккер качнул головой.

– А кто-нибудь ещё из вашей семьи?

– Сестра была. Один раз.

– О, – сказал я.

– Считают себя опозоренными.

Слова на мгновение повисли в воздухе. Статья на первой полосе «Нью-Йорк таймс» об охранниках Саваннской тюрьмы была озаглавлена «Позор Америки».

– Ну, – сказал я, – возможно, мы сумеем их разубедить.

– С помощью психологической хрени? – Он фыркнул своими тонкими губами.

– С помощью правды.

– Правда в том, что мой адвокат считает меня психопатом. Сраным Норманом Бейтсом⁷.

– Он покачал головой: – Что это за защита такая, а? Вы, наверное, умом тронулись?

Я не испытывал к нему никакого сочувствия: то, что он сотворил, было ужасно. Но я преподаватель – задайте мне вопрос, и я обязан на него ответить: такова *моя* природа.

– Вы совершили хладнокровное убийство, и обычно суд считает это убийством первой степени, верно? Однако представьте, что на МРТ у вас в мозгу обнаружат опухоль, которая влияет на ваше поведение. Присяжные могут склониться к мнению, что вы ничего не могли с собой поделать. У вас *нет* опухоли, однако мои исследования показывают, что психопатия – такое же ясно определяемое физическое состояние, и оно должно приниматься в расчёт при определении вины.

– Ха, – сказал он. – И вы тоже думаете, что я псих?

– Честно говоря, не знаю, – ответил я, кладя свой чемоданчик на деревянную столешницу и щёлкая замком. – Но могу узнать.

* * *

– Профессор Марчук, вы присутствовали, когда мой оппонент, окружной прокурор, представляла своего эксперта-свидетеля, психиатра Саманту Голдсмит?

Я старался, чтобы голос звучал спокойно, но, чёрт возьми, я нервничал неимоверно. Мне, разумеется, был привычен сократический метод⁸ в академической обстановке, но здесь, в этом душном зале суда, на кону стояла человеческая жизнь. Я подался вперёд.

– Да, присутствовал.

Подбородок Хуана Гарсии выдавался вперёд, как скотоотбойник на паровозе.

– Вы сидели здесь, в третьем ряду, не так ли?

– Именно так.

– Вы помните, как доктор Голдсмит излагала клиническую оценку ответчика, Девина Беккера?

– Да.

– И каков был её диагноз?

– Она утверждала, что мистер Беккер не является психопатом.

– Объяснила ли доктор Голдсмит методику, с помощью которой она пришла к такому выводу?

Я кивнул:

⁷ Персонаж фильмов Альфреда Хичкока.

⁸ Метод, названный в честь древнегреческого философа Сократа, основывающийся на проведении диалога между двумя индивидуумами, для которых истина и знания не даны в готовом виде, а представляют собой проблему и предполагают поиск. Этот метод часто подразумевает дискуссию, в которой собеседник, отвечая на заданные вопросы, высказывает суждения, обнаруживая свои знания или, напротив, своё неведение.

– Да, объяснила.

– Вы знакомы с использованной ею методикой?

– Весьма близко. Я также прошёл сертификацию по применению этой методики.

У Хуана была манера так двигать головой, что он напоминал мне ястреба – когда голова мгновенно поворачивается из одного положения в другое; сейчас он смотрел на присяжных.

– Тогда, вероятно, вы могли бы освежить её суть в памяти этих достойных людей. Какую методику использовала доктор Голдсмит?

– Психопатический опросник Хейра, исправленная версия, – ответил я.

– Обычно называемый «опросником Хейра» или ПВП-Р – верно?

– Да.

Быстрый поворот головы в мою сторону.

– И, прежде чем мы пойдём дальше, просто чтобы напомнить нам, что такое «психопат»?

– Это лицо, лишённое эмпатии и совести, лицо, не сочувствующее другим людям, – некто, кого заботят лишь его собственные интересы.

– А опросник Хейра? Напомните, пожалуйста, присяжным.

– Роберт Хейр выделил двадцать признаков, определяющих психопата, – от гладкоречивости и внешнего шарма до распушенности и отсутствия угрызений совести.

– И опять же напомните нам: чтобы быть психопатом, вы должны демонстрировать все двадцать признаков?

Я покачал головой:

– Нет. Существует числовая шкала оценки.

– Испытуемый заполняет некую форму?

– Нет-нет. Эксперт, прошедший специальную подготовку по применению методики профессора Хейра, проводит интервью с испытуемым, а также изучает его полицейское досье, психиатрическую медицинскую карту, историю его занятости, образование и так далее. Затем эксперт оценивает испытуемого по двадцати критериям: ноль означает, что данный признак (патологическая лживость, к примеру) отсутствует; единица – если присутствует в некоторой степени (возможно, он постоянно лжёт в личных взаимоотношениях, но никогда – в деловой обстановке, или наоборот); и двойка – если данный признак систематически проявляется во всех сферах жизни испытуемого.

– И какова средняя сумма оценок по двадцати критериям?

– Для нормальных людей? Весьма невелика: четыре из максимально возможных сорока.

– И сколько же нужно набрать, чтобы оказаться психопатом?

– Тридцать или больше.

– Вы помните, во сколько баллов оценила доктор Голдсмит мистера Беккера, ответчика?

– Помню. Её оценка равнялась семнадцати.

– Профессор Марчук, присутствовали ли вы в этом зале, когда мы – сторона защиты – представляли нашего эксперта-свидетеля, ещё одного психолога, который давал показания непосредственно перед вами?

Я снова кивнул:

– Да.

– Этот психолог, доктор Габор Баги, показал, что он также провёл тестирование Девина Беккера на психопатию. Вы это помните?

– Да.

– Получил ли доктор Баги такую же оценку, что и доктор Голдсмит?

– Нет. Его оценка для мистера Беккера равнялась тридцати одному.

Хуан довольно правдоподобно разыграл удивление.

– Тридцать один из сорока? Тогда как доктор Голдсмит насчитала лишь семнадцать?

– Верно.

Его голова рывком повернулась к присяжным.

– Как бы вы объяснили это расхождение?

– Хотя и предполагается, что опросник профессора Хейра объективен, насколько это возможно, результаты применения его теста в клинических условиях разнятся в зависимости от эксперта, проводящего тест. Однако разница в четырнадцать баллов? – Я пожал плечами под своим синим костюмом. – Этого я не могу объяснить.

Его взгляд снова метнулся ко мне.

– Тем не менее наш результат – тридцать один балл – помещает мистера Беккера в установленную законом границу психопатии, тогда как результат, полученный доктором Голдсмит, оставляет мистера Беккера за пределами этой границы, верно?

– Да.

– И, принимая во внимание, что обвинение требует смертной казни, вопрос о том, является ли мистер Беккер клиническим психопатом – определялось его поведение его волей или нет, – критически важен для назначения ему способа наказания, что ставит перед достойными членами жюри незавидную, но, к сожалению, весьма распространённую задачу: сделать выбор между противоречащими друг другу заявлениями экспертов. Не так ли?

– Нет, – ответил я.

– Прошу прощения, профессор Марчук?

Моё сердце заколотилось, но голос мне удалось сохранить абсолютно ровным.

– Нет. Доктор Голдсмит совершенно не права, а доктор Баги прав. Девин Беккер – психопат, и я могу это доказать – доказать это, не оставив ни малейших сомнений.

2

– Простой бинарный способ диагностики психопатии? – переспросила Хизер, глядя на меня через ресторанный столик. – Но ведь это невозможно.

– О, очень даже возможно. И я его открыл.

Сестра для меня – один из самых любимых людей на свете, и я для неё – тоже; думаю, мы были бы лучшими друзьями, даже если бы не были родственниками. Ей сорок два, она почти ровно на три года старше меня и работает корпоративным юристом в Калгари. Работа довольно часто приводит её в Виннипег, и тогда мы зависаем вместе.

– Да ладно, – сказала она. – Психопатия – это спектральное расстройство.

Я покачал головой:

– В наше время все хотят, чтобы всё было спектральным расстройством. Аутизм – классический пример: «расстройство аутистического спектра». Нам хочется, чтобы вещи были аналоговыми, чтобы имели бесконечное число градаций. Но люди – не аналоговые устройства. Жизнь вообще не аналоговая: она цифровая. Да, не двоичная – четверичная. В *буквальном* смысле четверичная: четыре основания – аденин, цитозин, гуанин и тимин – составляют генетический код. В нём нет ничего аналогового. Так же как ничего аналогового нет в большинстве состояний человека: он либо жив, либо нет; у него либо есть гены болезни Альцгеймера, либо нет; он либо психопат, либо нет.

– Ладно, хорошо. И как же ты это узнаёшь? Каков бинарный тест на психопатию?

– Ты смотрела «Молчание ягнят»?

Она кивнула; медового цвета волосы при этом коснулись плеч.

– Конечно. И книгу читала.

Мне было любопытно, не появление ли Густава в её жизни стало тому причиной.

– Давно? – спросил я небрежно.

– Кино? Ещё когда на юридическом училась. А книгу лет десять назад.

Я удержал себя от того, чтобы покачать головой. Густав появился на сцене лишь полгода назад, но я был уверен, что он психопат. Не буйного типа, который описал Томас Харрис в своём романе. Психопатия в самом деле имеет бинарную природу, но проявляется по-разному; в случае с Густавом она означала нарциссизм, манипулятивное и эгоистичное поведение. Самозванный актёр (на IMDb не было статьи о нём), он, по-видимому, жил за счёт сменяющих одна другую деловых женщин; моя мягкосердечная сестра, такая бдительная в юридических вопросах, похоже, даже не подозревала об этом. Или нет: я уже пару раз пытался поднять эту тему, но она всякий раз обрывала меня, заявляя, что она счастлива, разве нет, и я решал в дальнейшие дискуссии не вступать.

– Так вот, – сказал я, – помнишь, в фильме «Молчание ягнят» первое интервью между Клариссой Старлинг и Ганнибалом Лектером? Энтони Хопкинс абсолютно верно уловил один из аспектов психопатии – по крайней мере настолько, насколько это вообще возможно для того, кто *сам* не психопат. Он смотрит прямо на Клариссу и говорит (я, как мог, изобразил изысканное пришепётывание Хопкинса): «Первый принцип, Кларисса. Всегда спрашивайте себя: «Что это за вещь? Какова её природа?» А потом самая запоминающаяся фраза: «Что он делает, этот... человек, которого... вы... ищите?» Помнишь это?

Хизер вздрогнула.

– О да.

– А Джоди Фостер отвечает: «Он убивает женщин»; предполагается, что это самая страшная часть, но это не так. Страшнее всего взгляд Лектера, то, как он смотрит на Клариссу, – неподвижно, не мигая. Я видел такой взгляд во плоти, у настоящих психопатов в тюрьме. Это их самая выбивающая из колеи черта.

– Да уж наверное, – сказала Хизер. Она заказала сырные палочки из моцареллы к аперитиву; я был как-то в ресторане с ней и Густавом и знаю, что он запрещает ей всё жирное. Она взяла одну палочку и окунула её в соус маринара.

– Но чтоб ты знала, – продолжил я, – как ни хорош Хопкинс, он может лишь имитировать взгляд психопата. Он не способен правильно его воспроизвести.

– Как это?

– Настоящий психопат смотрит на тебя не просто не мигая – хотя это и добавляет к его взгляду что-то змеиное, – но также не производя микросаккад.

Хизер уже слышала от меня этот термин. «Микросаккады» – это произвольные скачки глазного яблока, когда оно поворачивается на два градуса или меньше; они происходят самопроизвольно всякий раз, когда взгляд задерживается на чём-то дольше нескольких секунд. Для чего они нужны – вопрос пока спорный; наиболее распространённая теория – они заставляют зрительные нейроны заново послать сигнал, так что видимое изображение не меркнет.

Брови Хизер взлетели над тонкой оправой очков.

– Правда?

Я кивнул:

– Ага. Скоро будет статья в «Природе неврологии».

– Круто! – Но потом она нахмурилась. – Но это, собственно, к чему? Какое отношение имеют микросаккады к психопатии?

– Я пока не уверен, – признал я, – однако мне удалось показать их отсутствие у сорока восьми из пятидесяти испытуемых, получивших на ПВП-Р больше тридцати двух баллов.

– А оставшиеся двое?

– Не психопаты; я в этом убеждён. И это главная проблема с ПВП-Р: он не точен. Боб Хейр страшно рассердился семь лет назад, когда вышла популярная книжка «Тест на психопата». В ней подразумевалось, что любой может установить, является ли его сосед, или начальник, или просто случайный знакомый психопатом. Как говорил Хейр, требуется неделя интенсивной подготовки, чтобы научиться правильно оценивать его двадцать переменных, причём,

чтобы его провести, нужно иметь формальное психологическое или психиатрическое образование. Однако его тест *может* давать ложные срабатывания, если проводящий его клиницист что-либо неправильно категоризирует или присвоит переменной значение два, когда обоснована лишь единица, или если психопат умеет противодействовать выявлению.

– Ага, – сказала Хизер. – Но, э-э... откуда ты знаешь, что Энтони Хопкинс не психопат? – спросила она полушутя. – То есть, если задуматься, какие роли он играл? Не только Ганнибала Лектера, но и Альфреда Хичкока – человека, который был одержим производством фильмов о психах и сам был довольно бесчувственным. Может, это был тот же типаж.

– Вообще-то я думал об этом. В конце концов, Хопкинс также играл Никсона и капитана Блая, а они-то наверняка были психопатами.

– Именно.

– И поэтому я купил 4К-версию «Молчания ягнят». Этот фильм снимали на 35-миллиметровую плёнку, и 4К-сканирования достаточно, чтобы воспроизвести все детали, присутствовавшие в оригинальном фильме; у кадров крупного плана, где он сверлит взглядом Клариссу, резкость достаточная. Его глаза в самом деле выполняют микросаккады.

Хизер улыбнулась.

– Вот тебе и система Станиславского.

Её сырные палочки выглядели аппетитно, но мне их было нельзя.

– Да. Однако у Гитлера тоже был сверлящий взгляд. Он выбирал человека и смотрел на него гораздо дольше, чем обычно. Не существует его съёмок хорошего качества, то есть достаточно чётких, чтобы определить, были у него микросаккады или нет, но я уверен, что нет.

– Но я всё ещё не понимаю, при чём здесь это, – сказала Хизер. – Какое отношение имеет отсутствие микросаккад к психопатии? То есть да, я понимаю, как это влияет на взгляд...

– Тут не только взгляд, – сказал я. – Видишь ли, множество передовых исследований в области психопатии были сделаны у нас, в Канаде... а это, я уверен, о чём-то да говорит. Канадец не только Боб Хейр – он сейчас эмерит в Университете Британской Колумбии, – но и Анджела Бук. В 2009 году она опубликовала работу под названием «Психопатические черты и восприятие уязвимости жертвы». Это исследование и последовавшие за ним показали, что психопаты обладают почти сверхъестественной способностью выбирать в жертвы уже пострадавших людей.

В одном из моих собственных экспериментов я снимал на видеокамеру с высоким разрешением женщин-добровольцев; некоторые из них подвергались в прошлом насилию, другие – нет. Все женщины во время съёмки общались в одном помещении с несколькими аспирантами. Потом я показал отснятое видео группе мужчин и попросил их указать женщин, подвергавшихся насилию. В случае нормальных мужчин процент успеха был такой же, как при случайном выборе: они не знали и просто пытались угадать. Однако психопаты верно определяли бывших жертв в восьмидесяти случаях из ста.

Когда я спрашивал психопатов, *как* они это делают, ответы были от почти бесполезного «ну это же очевидно» до весьма знаменательного «это написано у них на лице». И по всей видимости, так оно и есть. Человеческое лицо постоянно движется, непрерывно принимая мимолётные «микровыражения», длящиеся от одной двадцать пятой до одной пятнадцатой секунды. Когда психопат «включает» психопатический взгляд, лишённый микросаккад, он ясно видит эти микровыражения. Возможно, у женщин, прежде подвергавшихся насилию, суперкраткое выражение страха появляется на лице всякий раз, как мужчина на них посмотрит, и психопат не только замечает это – его тянет к женщинам, демонстрирующим эту особенность.

– Вот дерьмище, – сказала Хизер.

– Ага.

Официант принёс кобб-салат для Хизер.

– Приятного аппетита, – сказал я.

Она отправила в рот первую порцию.

– А что можно сказать о социопатах в отличие от психопатов?

– Что в лоб, что по лбу. Хотя некоторые клиницисты – если подумать, в основном американские – до сих пор пытаются проводить между ними различие, «Дэ-Эс-Эм-5»⁹ числит их в одной категории. Видишь ли, большая часть диалога в киноверсии «Молчания ягнят» взята напрямую из книги, но в книге Лектер описывался как «чистый социопат», тогда как в фильме – «чистый психопат». Различие, если таковое существует, сводится либо к этиологии (те, кто, как я, предпочитает термин «психопатия», считают, что причина по большей части в различиях в мозгу; те, кто предпочитает «социопатию», считают, что личность скорее всего формируется обществом), либо к тому, как врождённое состояние проявляет себя. Некоторые говорят, что классический гладкоречивый и очаровательный, но совершенно бессердечный человек – психопат; если же он обычный жлоб, который при этом лишён совести и эмпатии, – то это социопат. Мой метод способен выявить обоих. Правда...

Она выжидательно посмотрела на меня.

– Да?

– Ты знаешь, в чём разница между психопатом и гомеопатом?

Она покачала головой.

– Некоторые психопаты не приносят вреда.

– Ха-ха! – Она подцепила вилкой ещё салата и проглотила. – Так как же работает твой метод? Как ты проводишь тестирование?

– Микросаккады – это фиксационные движения глаз; иными словами, они происходят только тогда, когда твой взгляд зафиксирован на чём-нибудь. И чтобы получить по-настоящему чёткий, по-настоящему хороший трек, я обычно не пользуюсь видеозаписью. Вместо этого я использую модифицированные офтальмологические очки для проверки зрения. Испытуемый надевает их, и я просто прошу его в течение десяти секунд смотреть на нанесённую на очки точку. Сенсоры проверяют, остаётся его взгляд совершенно неподвижным или чуть-чуть поддёргивается. Если первое – перед нами гарантированно психопат. Если второе – когда испытуемый действительно демонстрирует микросаккады, – то он *не* психопат. Микросаккады нельзя симитировать; минимальный угол, на который возможно сместить взгляд сознательно, гораздо больше. Если только у испытуемого нет расстройства движения глаз – а это врождённый или приобретённый нистагм, и его наличие будет очевидно ещё до начала теста, – мой метод не даёт ложных срабатываний. Если я говорю, что ты психопат, так это и есть.

– Вау, – сказала Хизер. – Я могу их позаимствовать?

Возможно, я её недооценил: возможно, она всё-таки подозревает Густава.

– Нет, – ответил я, – но пригласи меня на Рождество, и я привезу их с собой.

– Замётано, – сказала она, втыкая вилку в крошечный помидор.

3

– Итак, профессор Марчук, подытожим: вы свидетельствуете, что ответчик, Девин Беккер, в самом деле является психопатом?

Хуан Санчес много раз репетировал со мной мои показания. Он хотел быть уверенным, что за ними сможет следить не только судья, которому уже приходилось слышать показания экспертов-психологов на других процессах, но также что сидящие на местах для присяжных семеро мужчин и пять женщин, которые никогда не посещали курсов психологии, увидят логику моих рассуждений, даже не желая этого.

⁹ Руководство по диагностике и статистике психических расстройств, издаваемое Американской психиатрической ассоциацией.

Хуан велел мне поддерживать с присяжными зрительный контакт. К сожалению, присяжные под номерами четыре (грузная чернокожая женщина) и девять (белый мужчина, безуспешно скрывающий лысину под зачёсом) смотрели в пол. Однако я на короткое время заглядывал в глаза остальным, хотя трое из них отводили взгляд, как только ошущали, что я на них смотрю.

Я повернулся к Санчесу и решительно кивнул:

– Да, именно так. Без малейших сомнений.

– Спасибо вам, профессор Марчук. – Хуан вопросительно взглянул на судью Кавасаки. Он говорил мне, что прямой опрос свидетеля-эксперта лучше всего проводить перед перерывом, чтобы представленные аргументы успели проникнуть в головы присяжных прежде, чем сторона обвинения попытается их разрушить; моё выступление он организовал так, чтобы оно завершилось перед самым полуднем. Однако Кавасаки либо забыл о времени, либо раскрыл замысел Санчеса, потому что он повернулся к окружному прокурору и произнёс слова, которых сам Хуан говорить не стал:

– Мисс Диккерсон, свидетель ваш.

Хуан бросил на меня разочарованный взгляд, потом повернулся и сел на своё место рядом с Девинном Беккером, который, как всегда, сидел с кислой миной на худом лице.

Я обеспокоенно поёрзал на стуле. Эту часть мы тоже репетировали, пытаюсь предугадать, какими вопросами разразится Белинда Диккерсон в попытке дискредитировать мой микроскадный метод. Однако, как говорится в знаменитом изречении Мольтке-старшего, «ни один план не переживает встречи с противником».

Диккерсон было сорок восемь лет; это была высокая грациозная женщина с удлинённым бледным лицом и чёрными волосами – если бы древко стоящего у стены флага Джорджии сломалось, она запросто могла бы его заменить.

– Мистер Марчук, – сказала она голосом куда более зычным, чем можно было ожидать от женщины её комплекции, – мы все немало услышали о вашей профессиональной квалификации во время вашего опроса моим оппонентом.

Это не было похоже на вопрос, так что я ничего не сказал. Вероятно, она ожидала, что я пробормочу что-то из скромности (и в обычной ситуации я бы, пожалуй, так и сделал), но здесь, в зале суда, в этом горячем сухом воздухе – не говоря уж о надоедливой мухе, с жужжанием летающей вокруг лампы у меня над головой, – я просто кивнул, и она продолжила:

– Степени, диссертации, клинические сертификаты, академические назначения.

И снова не вопрос. Вообще-то я беспокоился насчёт перекрёстного опроса и сейчас немного расслабился. По моим регалиям она может топтаться со всем своим адвокатским удовольствием – я там ничего не преувеличил.

– Но сейчас, сэр, – продолжала Диккерсон, – я бы хотела коснуться той части вашего прошлого, которой мистер Санчес внимания не уделил.

Я посмотрел на Хуана, чья голова по-птичьи повернулась к присяжным, а затем так же моментально снова вернулась ко мне.

– Хорошо, – сказал я.

– Откуда происходит ваша семья?

– Я родился в Калгари, Альберта.

– Да, да. Но ваша семья, ваши предки – откуда они?

Мне, как и любому человеку, уже задавали такой вопрос, и я обычно отвечал шуткой того сорта, который поймёт только человек из университетской среды. «Мои предки, – обычно отвечал я, – происходят из ущелья Олдувай». Я взглянул на присяжных, потом на кислое выражение на морщинистом лице судьи Кавасаки. Никакого смысла отпускать неочевидную шутку.

– Вы про мою этническую принадлежность? Я украинец.

– То есть ваша мать украинка, верно?

– Да. Ну, украино-канадка.

Она сделала рукой пренебрежительный жест, словно я пытался замутить воду бессмысленным крючкотворством.

– А ваш дед со стороны матери – он тоже украинец?

– Да.

– Когда ваш дед эмигрировал в Канаду?

– В 1950-х. Точной даты я не знаю.

– Но до этого он жил на Украине, верно?

– Вообще-то я думаю, что последним местом в Европе, где он жил, была Польша.

Диккерсон оглянулась, чтобы посмотреть на судью. Она вскинула брови, будто бы удивляясь моему ответу.

– Где именно в Польше он жил?

Мне потребовалась секунда или две, чтобы вспомнить название, и я вряд ли верно его произнёс.

– Гденска.

– Которая находится где?

Я нахмурился.

– Как я и сказал, в Польше.

– Да, да. Но *где именно* в Польше? Поблизости от чего?

– Это к северу от Варшавы, я так думаю.

– Полагаю, так и есть, но нет ли поблизости какого-нибудь... какого-нибудь *места*, скажем так, исторической важности?

Хуан Санчес встаёт; его челюсть выпирает даже больше, чем обычно.

– Возражение, ваша честь. Этот урок географии не имеет ни малейшего отношения к делу.

– Отклоняется, – ответил Кавасаки. – Но вы испытываете моё терпение, мисс Диккерсон. Она, вероятно, восприняла это как разрешение задать наводящий вопрос.

– Мистер Марчук, сэр, давайте я спрошу напрямую: не расположена ли эта самая деревня, Гденска, всего в десяти милях от Собибора?

То, что она последовательно отказывалась обращаться ко мне «профессор» или «доктор», было, разумеется, попыткой уменьшить мой авторитет в глазах присяжных.

– Я не знаю, – ответил я. – Не имею понятия.

– Хорошо, ладно. Но она *поблизости* от Собибора, не так ли? Всего несколько минут на машине, верно?

– Я правда не знаю.

– Или на поезде? – Она делает едва заметную паузу, чтобы подчеркнуть предыдущую реплику, а затем: – Чем занимался ваш дед во время Второй мировой войны?

– Я не знаю.

– В самом деле не знаете?

Я почувствовал, как мои брови непроизвольно ползут вверх.

– Нет.

– Это меня удивляет, сэр. Это *очень* меня удивляет.

– Почему?

– Вообще-то вам нельзя задавать вопросов, сэр; здесь всё по-другому устроено. Значит, вы, находясь под присягой, утверждаете, что не знаете, чем отец вашей матери занимался во время Второй мировой войны?

– Именно так, – ответил я, безмерно озадаченный. – Я не знаю.

Диккерсон обернулась к присяжным и всплеснула руками, словно говоря «я давала ему шанс». Затем она подошла к своему столу, и молодая помощница передала ей лист бумаги.

– Ваша честь, я хотела бы приобщить к делу эту заверенную нотариусом копию статьи из «Виннипег Фри пресс» за двадцать третье марта 2001 года.

Кавасаки жестом подозвал Диккерсон к своему столу, и она передала ему бумагу. Он быстро просмотрел её, затем передал секретарю.

– Приобщается к делу как улика стороны обвинения номер сто сорок шесть.

– Спасибо, ваша честь, – сказала она, забирая лист. – Итак, мистер Марчук, не будете ли вы так любезны зачитать нам первое отмеченное предложение?

Она передала мне страницу, на которой голубым маркером были отмечены два отдельных абзаца. Без очков для чтения я не мог разобрать, что в них написано, поэтому полез в карман пиджака – и увидел, как рука охранника на дальнем краю зала потянулась к пистолету. Я медленно вытащил свои глазные костыли, водрузил их на нос и начал громко читать:

– «Новые неожиданные разоблачения ожидали нас на этой неделе в связи с публикацией документов из бывшего Советского Союза. Новая порция документов имеет отношение к Канаде. Эрнст Кулик...» – Я запнулся; в горле внезапно пересохло, когда я пробежал глазами последующий текст.

– Пожалуйста, продолжайте, сэр, – сказала Диккерсон.

Я сглотнул, затем продолжил читать:

– «Эрнст Кулик, отец Патриции Марчук, известного в Калгари адвоката, как оказалось, служил охранником в нацистском лагере смерти Собибор и замешан в смерти тысяч, если не десятков тысяч, польских евреев».

Я поднял взгляд. Бумага подрагивала у меня в руках.

– Спасибо, сэр. Скажите, кто такая Патриция Марчук?

– Моя мать.

– И для полной ясности она – ваша биологическая мать, а Эрнст Кулик – её биологический отец, верно? Ни вы, ни ваша мать не были приёмными детьми?

– Нет.

– Ваш дед со стороны матери жив?

– Нет. Он умер в 1970-х.

– А вы родились в 1982-м, верно? Вы никогда его не видели, так ведь?

– Никогда.

– А ваша мать, она жива?

– Нет. Умерла пятнадцать лет назад.

– В 2005-м?

– Да.

– Вы перестали с ней общаться?

– Нет.

– И тем не менее вы заявляете суду, что не знали, чем её отец – ваш дед – занимался во время Второй мировой войны?

Моё сердце тревожно стучало.

– Я... честное слово, ни малейшего понятия.

– Где вы жили в марте 2001 года, когда была опубликована эта статья?

– В Виннипеге. Я тогда был на втором курсе университета.

– А «Виннипег Фри пресс» – поправьте меня, если я не права, – была в то время самой крупнотиражной ежедневной городской газетой, каковой остаётся и сейчас, верно?

– Полагаю, да.

– Так что наверняка кто-то должен был вам рассказать об этой статье.

– Такого не было.

– Серьёзно? Ваша мать ни разу не упомянула об этом разоблачении?

У меня начиналась изжога.

– Не припоминаю такого.

– Не припоминаете такого, – повторила она. – В статье есть ещё один выделенный абзац. Зачитайте его, пожалуйста.

Я вернулся к статье.

– «Эрнст Кулик был местным жителем и проживал поблизости от Собибора. Историк Говард Грин из Центра Симона Визенталя в Лос-Анджелесе утверждает, что Кулик подходит под описание Эрнста-палача, охранника, печально известного своей жестокостью».

– И ваша работа, профессор, как мы слышали в этом зале суда, посвящена оправданию обвиняемых в отвратительных преступлениях, верно?

– Вовсе нет. Я...

– Пожалуйста, сэр. Уверена, что защита не прибегла бы к вашим услугам, если бы не считала ваши показания полезными для убеждения добропорядочных мужчин и женщин этого жюри в том, что некоторые люди просто родились психопатами, что Бог создал их такими, что они не могут ничего с этим поделать и поэтому не могут быть привлечены к высшей мере наказания по закону, верно?

– Возражение! – вмешался Хуан. – Риторика!

– Принимается. Осторожнее, мисс Диккерсон.

– Мистер Марчук, сэр, как бы вы охарактеризовали отношения между историей вашей семьи и областью ваших научных интересов? Правда ли, что первое вдохновило вас на второе?

– Я вам сказал, что не знал о своём деде.

– Право же, сэр. Я могу понять желание отстраниться от позора вашей семьи – позора *Канады*, – однако разве не правда, что вы фактически составили своё мнение о деле ещё до того, как впервые увиделись с Девинот Беккером? Поскольку признание Девина Беккера вменяемым, требование, чтобы он ответил за свои деяния, свою извращённость, свою жестокость, означало бы, что вы требуете того же от своего деда, не так ли?

– Даже если бы я знал о своём деде, – сказал я, чувствуя, как начинает кружиться голова, – эти случаи чрезвычайно различны и разделены десятками лет и тысячами миль.

– Мелочи, – ответила Диккерсон. – Правда ли, что в прессе вас называли «апологетом жестокости»?

– В реферируемых журналах – никогда.

– Верно, – согласилась Диккерсон. – Я имела в виду канадскую «Нешнл пост». Однако факт остаётся фактом: правда ли, что каждый аспект ваших сегодняшних показаний окрашен вашим желанием видеть в своём деде невинную жертву обстоятельств?

– Мои исследования широко цитируются, – сказал я, чувствуя себя так, будто деревянный пол свидетельской скамьи раскалывается подо мной, – и, в свою очередь, опираются на классические работы Клекли и Милгрэма.

– Однако, в отличие от них, вы пришли в эту область, имея собственные планы, не так ли?

Казалось совершенно бесполезным напоминать, что Стэнли Милгрэм происходит из семьи евреев, погибших в Холокосте, – что его работа посвящена попыткам найти смысл в бессмысленном, постичь необъяснимое, понять, каким образом нормальные люди в здравом уме могут делать такие вещи с другими мыслящими, чувствующими существами.

– Я не стал бы так утверждать, – ответил я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Нет, – отозвалась Белинда Диккерсон, снова глядя на мужчин и женщин на местах присяжных, которые – все как один – сосредоточенно внимали происходящему. – Уверена, что нет.

* * *

Судья Кавасаки наконец объявил перерыв, и я вышел из зала суда с вновь заколотившимся сердцем – чувство, которое, принимая во внимание моё прошлое, я терпеть не мог. Хуан Санчес собирался обедать с Девином Беккером, но я сомневался, что они обрадовались бы, если бы я к ним присоединился. Я вышел под дневную жару на горячий воздух, дрожащий над асфальтом парковки, трясущейся рукой вставил блютус-ресивер в ухо и позвонил сестре в Калгари. Раздался гудок, потом женский голос произнёс:

– «Моррел, Томпсон, Чандлер и Марчук».

– Хизер Марчук, пожалуйста. – Брак моей сестры распался много лет назад, задолго до моего, но на профессиональном поприще она всегда пользовалась девичьей фамилией.

– Могу я спросить, кто ей звонит?

– Её брат, Джим.

– О, мистер Марчук, здравствуйте. Вы в городе?

Обычно я довольно хорошо запоминаю имена, и, думаю, если бы не был так взбудоражен, то вспомнил бы, как зовут секретаршу. Я даже вспомнил, как она выглядит – миниатюрная блондинка в круглых очках.

– Нет. Хизер на месте?

– Я сейчас вас переключу.

Я видел, как дородный детина пялится на меня – вероятно, репортёр в надежде на интервью. Я повернулся и быстрым шагом пошёл прочь.

Мы с сестрой общаемся пару раз в месяц – чаще ей Густав не позволяет, – но всегда по вечерам; она была явно удивлена тем, что я позвонил среди рабочего дня.

– Джим, у тебя всё в порядке? Ты где?

На первый вопрос я утвердительно ответить не мог, поэтому перешёл сразу ко второму:

– В Атланте.

Хизер слишком хорошо меня знала.

– Что-то *не* в порядке. Что?

– Ты знала, чем занимался дедушка Кулик во время войны?

Секундная пауза. Где-то далеко – там или здесь, я не мог определить – выла сирена.

– Что за чёрт, Джим?

– Прости? – Вопрос, не извинение.

– Что за чёрт? – повторила она.

– Ты о чём?

– Джим, если это какая-то дурацкая шутка...

– Я не шучу.

– Ты прекрасно знаешь, чем он занимался во время войны в том лагере.

– Ну, *теперь-то* я знаю, – сказал я. – Узнал сегодня. Я давал показания как свидетель-эксперт на том процессе, про который тебе рассказывал. И прокурор вывалил на меня эту новость.

– Это не новость, бога ради, – сказала Хизер. – Об этом стало известно много лет назад.

– Почему ты мне не рассказала?

– Ты рехнулся? Мы все об этом знали.

В голове у меня плыло.

– Я этого не помню.

– Seriously?

– Seriously.

– Джим, послушай, у меня встреча с клиентом через... чёрт, я должна бежать прямо сейчас. Я не знаю, что тебе сказать, но обратись к кому-нибудь, хорошо?

4

После утреннего потрошения я был бы рад отправиться домой, но, когда судья объявлял перерыв, мисс Диккерсон дала понять, что со мной ещё не закончила. Не найдя веганских блюд в кафетерии суда, я решил остановиться на упаковке салата и чашке чёрного кофе.

Фейерверк начался сразу же, как только слушания возобновились.

– Возражение! – вставая, заявил Хуан в ответ на новый вопрос Диккерсон об истории моей жизни. – Эти раскопки не имеют ни малейшего отношения к вопросу о приговоре Девину Беккеру.

Диккерсон развела руками, поворачиваясь к погружённому в раздумья судье.

– Ваша честь, это первый раз, когда метод мистера Марчука применяется в суде. С разрешения суда, представляется весьма важным тщательно исследовать все возможности для предвзятости или предубеждений, которые могут повлиять на результат, – даже такие, о которых свидетель сам не имеет понятия.

– Очень хорошо; возражение отклоняется. Однако не забредайте слишком далеко.

– Разумеется, ваша честь. – Она снова повернулась ко мне: – Мистер Марчук, сэр, каково ваше отношение к смертной казни? – Я заметил, как стиснулись широкие челюсти Хуана.

– Я против смертной казни.

Диккерсон кивнула, словно ничего другого и не ожидала.

– Ранее вы сказали нам, что вы канадец, а у наших северных друзей смертной казни нет. Ваше неприятие базируется лишь на вашем гражданстве, как, к примеру, любовь к хоккею или кленовому сиропу?

– Нет, оно имеет философское обоснование.

– Ах да. Когда мистер Санчес вас представлял, он упомянул о том, что вдобавок к трём научным степеням по психологии у вас также есть степень магистра в области философии, верно?

– Да.

– Поскольку на данном процессе речь идёт как раз о том, будет ли мистер Беккер приговорён к смертной казни, не могли бы вы вкратце просветить нас относительно ваших философских возражений против неё?

Я глубоко вдохнул. Я часто обсуждал этот вопрос на занятиях со студентами, однако почти осязаемое неодобрение со стороны присяжных выбивало меня из привычной колеи: на этом процессе окружной прокурор не допустил в состав присяжных никого, кто выступал бы против смертной казни.

– Это не только мои возражения, – сказал я. – Я философ-утилитарист. Утилитаристы считают, что высшим благом является наибольшее счастье для наибольшего числа людей. И один из основателей утилитаризма, Джереми Бентам, сформулировал в 1775 году несколько убедительных аргументов против смертной казни – аргументов, не потерявших значения и сейчас.

Я сделал короткую паузу, позволяя бабочкам в животе немного успокоиться, затем продолжил:

– Во-первых, говорил он – и я с ним согласен, – смертная казнь убыточна. То есть казнить человека обходится обществу дороже, чем оставить его в живых. Это было правдой во времена Бентама, и это тем более так в наши дни: продолжительные процессуальные действия, в одном из которых мы все принимаем участие прямо сейчас, и неизбежные апелляции делают казнь преступника гораздо дороже, чем его пожизненное содержание в тюрьме.

И не менее важно, говорил Бентам – и я снова с ним соглашаюсь, – смертная казнь необратима. Нет способа исправить допущенную ошибку. Очевидно, что несчастье для казнённого,

проистекающее из неправомерной казни, огромно. Более того, если общество казнит невиновного человека и этот факт впоследствии становится известным, когда, к примеру, ловят настоящего преступника, то каждый член общества испытывает – или по крайней мере *должен* испытывать – тяжёлое раскаяние по поводу ужасного деяния, сотворённого от имени всех нас. И тогда...

– Спасибо, сэр. Нам ясна идея. А каково ваше отношение к абортам? Если вы считаете, что необратимое наказание невиновного ослабляет общество, то, я уверена, присутствующие здесь мужчины и женщины в свете того, что Верховный суд недавно отменил решение по «Роу против Уэйда», будут счастливы услышать, что вы выступаете против абортов.

– Нет. Я являюсь их сторонником. – Я услышал, как один из присяжных с тихим шипением втянул в себя воздух, а другой, седобородый мужчина, покачал головой.

Белинда Диккерсон повернулась к своему столу, помощница достала из портфеля книгу и протянула ей – как любой писатель, я способен узнать написанную мною книгу практически с любого расстояния, даже когда её обложка повёрнута неудачно.

– Ваша честь, я хотела бы приобщить к делу этот экземпляр книги «Утилитаристская этика в повседневной жизни» за авторством текущего свидетеля, Джеймса К. Марчука.

Судья Кавасаки кивнул:

– Принимается как улика обвинения номер сто сорок семь.

– Спасибо, ваша честь. Для уточнения, сэр: вы – автор этой книги, верно?

– Да, я её написал.

– Как вы можете видеть, я отметила две страницы закладками. Не будете ли вы так любезны открыть книгу на первой из них и зачитать отмеченный абзац?

Такие закладки выпускаются разных цветов; я и сам ими постоянно пользуюсь. Она, без сомнения, намеренно выбрала красные: хотела натолкнуть присяжных на мысль о крови.

Я открыл первую из отмеченных страниц, тщательно водрузил на нос очки и прочитал:

– «В соответствии с утилитаристским учением нельзя предпочитать собственные желания и счастье желаниям и счастьем других людей просто потому, что они *ваши*, однако в случае генетически дефективного плода, который, будучи рождён, проживёт несчастливую жизнь, полную страданий, прерывание беременности с очевидностью увеличит общую сумму мирового счастья, поскольку, как мы уже упоминали, имеется лишь два способа его увеличения. Первый, разумеется, состоит в том, чтобы сделать уже существующих людей счастливее. Второй – увеличивать количество людей в мире посредством рождения детей *при условии высокой вероятности того, что они проживут счастливую жизнь*». – Курсив, как говорится, авторский.

Я неловко поёрзал на своей скамье, потом продолжил:

– «Непосредственно из этого вытекает, что суммарное мировое счастье уменьшается либо вследствие уменьшения счастья существующих людей – а воспитание неполноценного ребёнка, со всеми сопутствующими затратами, делает с родителями именно это, – либо вследствие рождения новых людей, которые проживут несчастную жизнь, полную страданий. В этом случае аборт становится скорее моральной обязанностью».

Аргументация была гораздо сложнее, и все возможные возражения я разбирал в последующих параграфах, однако, дойдя до конца отмеченного синим маркером текста, я замолчал, закрыл книгу и поднял глаза.

В зале суда можно было бы различить звук оброненной булавки. Все присяжные смотрели на меня, некоторые с отвисшей челюстью, а лицо Хуана совсем утратило цвет. Лишь Девин Беккер оставался невозмутим.

Диккерсон позволила молчанию длиться столько, сколько сочла максимально возможным, а затем сказала:

– Спасибо. Теперь следующий отмеченный абзац, пожалуйста.

Я нервно раскрыл книгу и пролистал её до второй заложённой страницы. В её верхней части помещалась цитата из ещё одного отца-основателя утилитаризма, Джона Стюарта Милля; я знал её наизусть:

«Мало кто из людей согласился бы превратиться в одно из низших животных в обмен на обещание максимального объёма животных удовольствий; никакой разумный человек не согласился бы сделаться дураком, человек образованный – невеждой, человек чувствительный и совестливый не стал бы самовлюблённым и чёрствым, даже если бы их убедили, что дурак, тупица или негодяй испытывают большее удовлетворение своей судьбой, чем они – своей.

Лучше быть неудовлетворённым человеком, чем довольной свиньёй, неудовлетворённым Сократом, чем довольным дураком. И если дурак или свинья иного мнения, то лишь потому, что знают только свою часть вопроса, тогда как другая сторона знает обе и может сравнивать».

Однако этот текст Диккерсон не выделила. Отмеченная синим маркером область началась непосредственно после цитаты; я сглотнул и принялся громко читать:

– «Ключевой посыл Милля состоит в том, что мы совершенно оправданно ценим жизнь человека выше, чем жизнь шимпанзе, поскольку шимпанзе, пусть даже наслаждаясь моментом, неспособен предвкушать будущее счастье так же хорошо, как мы, – и этот факт предвкушения сам по себе есть удовольствие.

Точно так же мы ценим шимпанзе – до такой степени, что в некоторых юрисдикциях их участие в лабораторных экспериментах запрещено законом, – выше, чем мышь, существо с доказуемо меньшими умственными способностями. Однако справедливости ради и во избежание обвинений в видизме мы должны применять такие же стандарты и к своему собственному виду.

Да, эмбрион с момента зачатия генетически является гомо сапиенсом, однако он не обладает сложным мышлением, не способен к планированию или предвкушению и вряд ли испытывает от жизни радость. По мере своего развития он постепенно приобретает эти способности, но они совершенно очевидно не существуют в хотя бы отчасти полной их форме в течение нескольких лет после рождения. На основе сказанного ранее утилитарист должен поддержать аборт в случае, если перинатальная диагностика¹⁰ указывает на высокую вероятность несчастной, болезненной жизни; на этом же основании – отсутствии в течение будущих нескольких лет полностью сформировавшегося разума – утилитарист дополнительно может так же приветствовать не только аборт, но и милосердное избавление, в случае если серьёзный дефект стал очевиден лишь после разрешения от бремени».

– «Разрешение от бремени», – повторила Диккерсон. – Замысловатый оборот. – Она бросила взгляд на присяжных. – Для тех из нас, что привыкли выражаться проще: что такое «разрешение от бремени»?

– Роды.

– Другими словами, мистер Марчук, вы считаете, что аборт – это нормально. Вы так считаете – хотя я нахожу почти невозможным произнести это вслух, но именно это сказано в зачитанных вами абзацах, – верно? Вы даже считаете, что *инфантицид* – это нормально. Но вы *против* смертной казни.

– Как сказал бы Питер Зингер...

– Пожалуйста, сэр, этот вопрос подразумевает однозначный ответ, «да» или «нет». Вы противник смертной казни независимо от обстоятельств?

– Да.

– И вы поддерживаете аборт?

¹⁰ Комплекс мероприятий, направленных на внутриутробное выявление аномалий у плода.

– Я поддерживаю увеличение общественной пользы и максимизацию человеческого счастья, так что...

– Опять же, сэр: «да» или «нет»? В подавляющем большинстве случаев, когда женщина может захотеть сделать аборт, вы стоите за то, чтобы позволить ей это?

– Да.

– И существуют даже случаи, когда инфантицид, убийство уже родившегося ребёнка, согласно вашим взглядам, может быть приемлемо?

– Основываясь на...

– «Да» или «нет»?

– Да.

– И ваша цель здесь – убедить добропорядочных граждан, членов этого жюри, в том, что казнь обвиняемого может быть морально неприемлемой?

Я развёл руками.

– У меня нет другой цели, кроме как объяснить детали разработанного мной метода, но...

– Никаких «но», сэр. И больше никаких вопросов. Ваша честь, обвинение с облегчением заявляет, что закончило допрос данного свидетеля.

5

Я говорил, что меня не тревожит, когда люди изучают моё резюме, и это правда – за одним исключением. Когда в него смотрят собраты по академическому цеху, они качают головами, увидев, что я преподаю в том же заведении, в котором учился студентом: это всегда считается подозрительным. Хотя я люблю веб-тест Университета Торонто, где вас просят определить, кто изображён на фотографии – бомж или профессор, от нас, искателей академической карьеры, ожидают скорее схожести с самцами шимпанзе: когда мы достигаем зрелости и начинаем демонстрировать вспыльчивость и упрямство, мы должны покинуть родное стадо и никогда в него не возвращаться. «С возвращением, Коттер»¹¹ – довольно-таки поганый сценарий для школьного учителя, для университетского преподавателя – это несмыслица печать.

Но моя академическая карьера от бакалавриата до пожизненного контракта проходила здесь, в Университете Манитобы. Я вернулся из Атланты вчера вечерним рейсом. Когда меня спрашивают почему, я обычно привожу несколько причин. «Нежные чувства к жутким холодам», – шучу я, или: «Непреходящая любовь к комарам». Настоящей же причиной был Менно Уоркентин.

Когда я поступил в Университет Манитобы в 1999-м, Менно вёл тот же самый вводный курс психологии, который сейчас веду я. Тогда мне было восемнадцать, а Менно – пятьдесят пять. Сейчас ему семьдесят четыре, у него звание эмерита, что означает, что он на пенсии, однако, в отличие от тех задниц в прямом и переносном смысле, которым указали на дверь, ему всегда рады на факультете, и он, хотя и получает лишь пенсию, а не зарплату, всё ещё имеет право вести исследования, быть научным руководителем у аспирантов и прочее. И все эти годы он был моим другом и наставником; я потерял счёт часам, проведённым в его или моём офисе за трёпом обо всём или разговорами о работе и жизни.

За годы, прошедшие с моего студенчества, изменился не только его возраст и профессиональный статус: он потерял зрение. Хотя он болел диабетом, который довольно часто приводит к слепоте, диабет тут был ни при чём. Зрение он потерял в автомобильной аварии в 2001 году – подушка безопасности не дала ему погибнуть, но её удар разбил его любимые старинные очки, и осколки вогнало в глазные яблоки. Я пару раз видел его без чёрных очков, которые он

¹¹ Американский сериал конца 1970-х о том, как школьный учитель приходит работать в школу, в которой учился сам.

теперь носит. Его искусственные стеклянные глаза выглядят как настоящие, только не двигаются, лишь таращатся в одну точку из-под белёсых бровей.

Я нашёл Менно сидящим в его кабинете с наушниками на голове, слушающим экранного чтеца. Его здоровенная собака, немецкая овчарка по имени Пакс, уютно свернулась у его ног. Заднюю и боковые стены его кабинета закрывали тёмно-коричневые стеллажи, но на них всё располагалось либо на верхних полках, либо глубоко у самой стены, чтобы он не мог ничего случайно скинуть на пол. Я в своём кабинете складываю стопки распечаток и папок прямо на пол, у него же на полу не было ничего, обо что он мог бы споткнуться. В его кабинете было большое окно, выходящее не на улицу, а в коридор, и белые вертикальные жалюзи были закрыты, как я полагаю, из принципа – если он не может видеть, что творится снаружи, то и оттуда внутрь заглядывать нечего.

Однако сегодня день был жаркий и дверь была открыта; как только я вошёл, Пакс вскочила и ткнула мордой Менно в бедро, предупреждая его, что кто-то пришёл. Он снял наушники и развернулся; в его obsидианово-чёрных очках отразилось моё лицо.

– Здравствуйте?

– Менно, это Джим.

– Падаван!¹² – Этим прозвищем он меня называл ещё со студенческих лет. – Как твоя поездка?

Я уселся на стул, а Пакс снова устроилась у ног Менно.

– Прокурору практически удалось меня дискредитировать.

– Ну, это его работа.

– Её работа. Но да, ты прав.

– Вот как.

– И она вытащила на свет кое-что из моего прошлого.

Менно сидел в красновато-коричневом кресле директорского типа. Он откинулся на спинку; живот выпятился, как пляжный мяч.

– Да?

– Кое-что, чего я сам не помню.

– Что именно?

– Ты помнишь 2001-й?

– Конечно. Ходил в кино, когда его в первый раз показывали.

– Не кино, – сказал я. – Год.

– О. – Он соорудил гримасу «как я мог забыть». – Конечно.

– Жан Кретьен тогда был премьером, да? А Джордж Буш-младший только-только стал президентом США.

– Гмм... да. Верно.

– А какое было самое известное событие в 2001 году?

– Ну, 11 сентября, очевидно. Кроме этого ничего не припоминаю, хоть убей.

– Но ты *можешь*.

– Что?

– Ты мог бы вспомнить и другие события, если бы немного подумал, верно?

– Вероятно.

– А я – нет, – сказал я.

– Что ты имеешь в виду?

– Прокурор озадачила меня статьёй из «Виннипег Фри пресс» о моём деде. Я утром сходил в университетскую библиотеку и взял микрофильм с этим номером. Я стал просматривать другие заголовки, но в памяти на них ничего не отзывалось, как и на заголовки первой

¹² Ученик, избранный самим Джедаем, вселенная «Звёздных войн».

полосы «Фри пресс» за соседние дни. Так что я полез в Интернет и нашёл обложки «Тайм» и «Маклинс»¹³ за 2001 год. Я не смог узнать ни одной из публикаций до лета этого года. Двухтысячный – без проблем. Вторая половина 2001-го – да, всплывает в памяти. Но первые шесть месяцев 2001-го – пустота. Первое, что я смог вспомнить из того года, – день после Дня Канады. Первое июля в том году выпало на воскресенье, так что второе было выходным днём. Я помню, как обозлился за то, что пошёл в понедельник за посылкой на почту и обнаружил её закрытой на выходной. – Я развёл руками. – Я потерял полгода жизни.

– Ты уверен?

– Насколько я могу судить, да. Помню, как был разочарован, когда Верховный суд США вынес решение по делу «Буш против Гора» – но то был декабрь 2000-го. Я не помню, собственно, инаугурации Буша, хотя в тот день *должны* были быть протесты, ведь так?

– Полагаю, да.

– А в июне того года умер Кэрролл О’Коннор – сам Арчи Банкер! Ты же знаешь, как мне нравился «Всё в семье»¹⁴. Я просто *не мог* пропустить эту новость, но каким-то образом пропустил. До сего дня я считал, что он всё ещё жив, на пенсии и обосновался где-нибудь.

– И ты только что осознал существование этого разрыва?

– Ну, это ведь было девятнадцать лет назад, верно? Как часто ты думаешь о событиях такого далёкого прошлого? Я помню 11 сентября. Я помню, что был здесь, в кампусе, когда самолёты врезались во Всемирный торговый центр; у меня тогда только начался третий курс. Но другие события такого далёкого прошлого? Насколько часто они всплывают в памяти?

Грузное тело Менно пошевелилось в кресле.

– И у тебя есть какие-то идеи насчёт этих шести месяцев?

– Да, – ответил я, но потом замолчал. Мы с Менно тогда уже были знакомы, но я ему не рассказывал об *этом*.

– И-и? – протянул он вопросительно, наклоняясь, чтобы погладить Пакс.

Я сделал глубокий вдох.

– Когда мне было девятнадцать, я умер. Вполне официально. Остановка сердца, остановка дыхания. Полный комплект.

Рука Менно застыла над головой собаки.

– Правда?

– Ага.

– Что случилось? – спросил он, снова откидываясь на спинку кресла.

Я подтащил свой стул поближе к столу.

– Я ездил домой в Калгари на рождественские каникулы. Моя сестра была в Европе, а родители отправились в круиз, но я хотел увидеться с друзьями. Я, разумеется, помню канун Нового года. Да, весь мир отпраздновал смену тысячелетий годом раньше, 31 декабря 1999-го, но ты же меня знаешь: я всегда стоял за *настоящее* начало двадцать первого века, который наступил первого января 2001 года. Не 2000-го.

– Потому что нулевого года не было, – подсказал Менно.

– Именно! Так вот, я был на вечеринке в доме одного из школьных друзей, и ночью – где-то около двух часов ночи первого января 2001-го, – когда я возвращался домой, на меня напал какой-то тип с ножом. Ночь была морозная и ясная. Я помню звёзды – Орион высоко над горизонтом, Бетельгейзе, словно капля крови, Юпитер и Сатурн возле Плеяд.

– Ты и звёзды, – сказал он, улыбаясь; я состою секретарём в Виннипегском центре Канадского Королевского астрономического общества.

¹³ Популярный канадский общественно-политический журнал.

¹⁴ Популярный американский телесериал 1970-х.

– Конечно, но это ведь важно, понимаешь? Я делал то, что всегда делаю. Ночь морозная, я забыл варежки, так что руки засунул глубоко в карманы куртки, шапку натянул на уши и шёл себе, глядя на небо – не перед собой, а вверх, отыскивая эклиптику, планеты вдоль неё, надеясь заметить, как по небу проскакивает метеор. Понятное дело, я смотрел, нет ли машин, перед тем как перейти улицу, но это и всё. Я не смотрел, что делается на другой стороне. О, я, вероятно, заметил, что там вроде была пара человек, но не обратил на них ни малейшего внимания. Значит, я перешёл улицу по диагонали, потому что мне было нужно в том направлении. И когда я добрался до другой стороны, этот парень резко обернулся, и у него было такое сдавленное, узкое лицо и зубы, заострённые и кривые, и глаза, глаза у него были *дикие*. Выпученные так, что белки были видны со всех сторон. И он толкнул меня ладонью в грудь, зарычал – это было натуральное животное рычание, и изо рта у него вырвались клубы пара – и сказал: «Какого хрена тебе надо?»

Я посмотрел на того, второго, и, господи, он был весь в крови. В жёлтом свете фонарей кровь казалась чёрной, но это точно была кровь, по всей его нейлоновой куртке. Того парня пырнули ножом; я вляпался в покупку наркотиков, которая плохо закончилась.

И я выдавил из себя: «Я просто иду на электричку».

Но без толку. Парень был психованный, или обдолбанный, или то и другое вместе, и у него был нож. Второй воспользовался ситуацией, чтобы сделать ноги: он, шатаясь, побежал на проезжую часть. Но он был тяжело ранен, и я теперь видел, что он стоял в луже собственной крови, и лужа эта начала замерзать.

Однако парень с ножом смотрел на меня, а не на него, а потом кинулся. А я – это ж я. Уличный боец из меня ровным счётом никакой. Я не знаю, как отклонить удар или что-то такое. Я почувствовал, как нож наискось входит в меня, и знал, просто знал, что он прошёл между рёбрами чуть в стороне от центральной линии грудной клетки. Мне не было больно – пока, но нож вошёл глубоко.

А потом он проткнул мне сердце; я знал, что произошло именно это. Он вытянул нож из меня, и я отступил на полшага назад, прочь от дороги, схватился за грудь, почувствовал, как льётся кровь; она – горячая, просто обжигающая по сравнению с холодным воздухом, но вытекает не толчками, не пульсирует. Она просто *льётся* на тротуар. Я падаю назад и смотрю в небо, но здесь слишком ярко, всё тонет в свете фонарей, и я думаю: «*Чёрт возьми, я просто хотел увидеть звёзды*».

А потом – ничего. Никакой ерунды с туннелем и ярким светом, кроме света уличных фонарей; ничего такого. Меня просто *не стало*.

Менно решил сменить позу и наклониться вперёд; на полпути он закрыл лицо руками со сцепленными пальцами. И не стал их опускать.

– И что потом? – спросил он.

– А потом я был мёртв.

– Как долго?

Я пожал плечами:

– Никто не знает. Но вряд ли *слишком* долго. Если слово «повезло» можно применить к подобной ситуации, то мне *повезло*. Я упал прямо под фонарём, меня было прекрасно видно, и было очень холодно. Студент-медик, возвращавшийся домой со своей вечеринки, наткнулся на меня, вызвал «Скорую», заткнул дырку в моём теле и делал мне непрямой массаж сердца, пока «Скорая» не приехала.

– Господи, – сказал Менно.

– Ага. Но, принимая во внимание время, когда это произошло, скорее всего это и повлияло на мою память.

Снова молчание, затем:

– У тебя, безусловно, было кислородное голодание. Наверняка мозг получил повреждения, которые на какое-то время заблокировали формирование долговременной памяти.

– Это всё догадки, но должны же быть и другие свидетельства. Если в течение моих пропавших шести месяцев я не формировал новых воспоминаний, то у меня должны были быть огромные функциональные проблемы. Я тогда был в твоей группе. Ты помнишь, чтобы я вёл себя как-то странно?

– Это было очень давно.

– Разумеется, но я также был подопытным в одном твоём исследовательском проекте, правильно?

Он нахмурился.

– В каком?

– Что-то, связанное с... микрофонами?

– А, этот. Да, думаю, ты в нём участвовал.

– Он как-то по-крутому назывался...

– Проект «Ясность».

– Точно! Так вот, я помогал тебе в нём до того, как меня пырнули, и... я не знаю, в этом-то всё и дело. Может быть, я участвовал в нём и после?

– Честное слово – не помню, – сказал Менно.

– Конечно. Но ты не мог бы проверить свои записи, посмотреть, нет ли среди них чего-нибудь обо мне, относящегося к этому периоду? Мне нужно хоть что-нибудь, что подстегнуло бы мою память.

– Конечно, я посмотрю.

– Я *должен был* формировать долговременную память в течение моего... моего «тёмного периода». Иначе как бы я мог функционировать?

– Наверное.

– А у меня тогда был семестровый курс по научной фантастике, с января по апрель. Требовался обязательный курс английской словесности, и этот мне показался меньшим злом по сравнению с «Канадской литературой».

– Ха.

– Так вот, я обнаружил, что список обязательного чтения для этого курса до сих пор есть в Сети. По-видимому, мы все прочитали роман об инженере-биомедике, который находит научные доказательства существования у человека души¹⁵, – но я не помню, чтобы когда-либо его читал; я знаю, о чём он, лишь потому, что нашёл его сегодня на Амазоне.

– Ну, во времена моего студенчества не раз и не два бывало так, что книга из обязательного списка оставалась непрочитанной.

– Да, но я делал доклад по этой книге. Я нашёл файл с докладом – он до сих пор валяется у меня на диске.

– А ты не мог, скажем, купить его? Заказать на одном из тех сервисов?

Я поднял руку, останавливая другие возможные предположения такого рода.

– Конечно, конечно, ты можешь объяснить каждый из этих примеров по отдельности. Но *все сразу*? Шесть месяцев внешне нормальной жизни без формирования воспоминаний? Этого не объяснить никак.

– Хорошо, – сказал Менно. – Но, знаешь ли, Джим, если то, что не даёт тебе вспомнить этот период, имеет не физическую, а психологическую природу, то...

– Что?

– Если твоё подсознание что-то подавляет, может быть, лучше просто смириться? В конце концов, сейчас ты в полном порядке, ведь так?

¹⁵ Имеется в виду роман Р. Сойера «Смертельный эксперимент» (1995).

– Думаю, да.
– Пропавшие воспоминания никак не влияют на работу и личную жизнь?
– Не влияли, пока прокурор не разорвала меня в клочья.
– Ну, просто имей в виду, что лекарство может быть хуже болезни. – Пакс по-прежнему лежала у ног Менно, но её глаза теперь были закрыты. – Иногда лучше не трогать спящую собаку.

Пакс действительно выглядела довольной жизнью. Но я, вставая, покачал головой.

– Нет, – ответил я. – Я так не могу.

6

Глядя в окно моей гостиной, выходящее на Ред-Ривер¹⁶, я думал, что, возможно, был несправедлив тогда в аэропорту Атланты. Если «Фокс ньюс» был занозой в заднице у любого демократа, которому не повезло занимать государственную должность в Соединённых Штатах, то, вероятно, будет справедливым утверждать, что «Си-би-си» примерно так же досаждала любому злосчастному консерватору, пытающемуся делать свою работу в этой стране. Ирония ситуации состоит в том, что «Си-би-си» – государственная вещательная компания, которой владеет и управляет, пусть и на расстоянии вытянутой руки, федеральное правительство. Барак Обама мало что мог предпринять против нападков «Фокс ньюс», но правительство консерваторов в Оттаве год за годом откусывало от «Си-би-си» по кусочку, и даже после того, как Харпер, наконец ушёл в отставку, трудные экономические времена не позволяли восстановить финансирование на прежнем уровне.

У меня было включено «Си-би-си Радио-1». Женский голос вещал:

– Хотя попытка взорвать статую Свободы была предотвращена в эти выходные, выяснилось, что двое неудачливых террористов, оба – граждане Ливии, проникли в Соединённые Штаты из Канады, перейдя из Онтарио в Миннесоту в районе озера Лесного одиннадцать дней назад. Это уже второй раз в этом году, когда террористы из Ливии проникают в США через Канаду. Президент Кэрроуэй был явно недоволен на своей пресс-конференции сегодня утром.

Голос диктора сменился президентским:

– Я выразил свою глубочайшую озабоченность по этому вопросу премьер-министру Джастину Трюдо. Вероятно, если бы убийцы следовали в противоположном направлении, он воспринял бы это более серьёзно.

Выпуск новостей перешёл к следующей теме, когда мой айфон проиграл заставку к «Jeopardy!»¹⁷, – это означало, что звонок переадресован с моего рабочего телефона в офисе, номер которого опубликован на университетском сайте. На экране появилась надпись «КД Гурон» и номер с региональным кодом 639¹⁸, которого я не знал. Я выключил радио и принял звонок:

– Алло?

Странная тишина, затем неуверенный женский голос:

– Привет, Джим. Я в городе и подумала, что хорошо бы повидаться.

– Кто это?

– Кайла. – Секундная пауза. – Кайла Гурон.

Это имя ни о чём мне не говорило.

– Да?

¹⁶ Река, на берегах которой расположен город Виннипег.

¹⁷ Популярная американская телеигра, прототип российской «Своей игры».

¹⁸ Телефонный код провинции Саскачеван, с которой Манитоба (столицей которой является Виннипег) граничит на западе.

Её тон внезапно стал ледяным:

– Прости. Мне казалось, ты будешь рад меня услышать.

Разговаривать по телефону и гуглить на нём же не слишком просто, но, к счастью, мой laptop стоял включенным на столе в гостиной. Я зажал айфон между щекой и плечом и вколотил её имя в поисковую строку.

– Да, – сказал я, – конечно, я рад тебя услышать... Кайла. Как у тебя дела?

Первый же линк вёл на статью о ней в Википедии. Я щёлкнул по нему, и открылась статья с фотографией непривычно хорошего для Википедии качества, изображавшей красивую белую женщину лет тридцати пяти.

– Ну, – ответила Кайла, – столько лет прошло, Джим. С чего и начать? Ну, то есть у меня всё в порядке, но...

– Ага, – сказал я, всё ещё пытаюсь тянуть резину. – Столько лет. – Первая строка гласила, что она «занимается исследованиями сознания в «Канадском источнике света», что звучало как какая-нибудь эзотерическая секта.

– Я приехала на симпозиум в Университет Виннипега. – Это второй университет в городе. – И в общем, увидела твоё имя в сегодняшней газете и подумала... дай, думаю, позвоню. Может, ты захочешь посидеть за чашкой кофе, поболтать...

Я прокрутил статью вниз: «...получила степень магистра (2005) и доктора философии (2010) в Университете Аризоны после обучения в Университете Манитобы (1999–2003)...»

– Да! – сказал я – наверное, слишком громко. Мы учились в Манитобе в одно и то же время – включая мои пропавшие шесть месяцев. – Конечно!

– Здорово. Когда тебе удобно?

Я хотел сказать: «Прямо сейчас!», но вместо этого предложил:

– После полудня у меня весь день свободен.

– Давай в час? А где? Я взяла машину напрокат.

Я назвал место, мы распрощались, и я положил телефон на деревянный стол; рука при этом подрагивала.

Я сделал глубокий вдох. До встречи с Кайлой у меня оставалась пара свободных часов, и в случае, если моя потеря памяти и правда связана с ножевым ранением, логично было бы начать с расследования этого инцидента.

Обычно для того, чтобы получить доступ к медкарте пациента – даже своей собственной, – нужно прыгнуть сквозь множество обручей, но, к счастью, я знаком с одной из штатных психологов в больнице в Калгари, в которой когда-то лечился; мы с ней вместе работали в Канадской психологической ассоциации. В Виннипеге был полдень, но в Калгари только одиннадцать, так что время для звонка показалось мне подходящим. Я нашёл в списке контактов тот, что был мне нужен.

– Кассандра Чун, – произнёс знойный голос мне в ухо.

– Сэнди, это Джим Марчук.

Искренняя радость:

– Джим! Чем могу помочь?

– Я надеялся, ты сможешь обойти кое-какую бюрократию. Мне нужна копия моей медицинской карты.

– Твоей собственной? Думаю, с этим проблем не будет. Ты здесь лечился?

– Ага. Поступил в канун нового года в 2000-м – хотя нет, это было после полуночи, значит, 1 января 2001-го.

– Давненько, – сказала она, и я услышал стук клавиш.

– Девятнадцать лет.

– Хмм. Ты уверен насчёт даты?

– Ещё бы.

– Может, ты лечился амбулаторно? Не все записи за те годы сохранились в центральной системе.

– Да нет, это была экстренная хирургия.

– Боже, правда?

– Ага.

– Тебя привезла «Скорая»?

– Да.

– Я ничего не нахожу. Ты помнишь фамилию хирурга?

– Бучер¹⁹, – ответил я.

– Ха, – сказала Сэнди. – Прикольно.

– Я тогда так и подумал!

– Но в системе нет доктора Бучера. Ты уверен, что это было в нашей больнице? Может быть, в Футхиллс?

В тот момент я уже не был ни в чём уверен.

– Ну... может быть. Э-э... а ты можешь попробовать мою фамилию с ошибкой? Иногда её записывают как Марчукк.

– А! Ладно... Ага, есть такой, только... ха!

– Что?

– Ну, дата не первое января – никто не назначает плановых операций на первое января: слишком велика вероятность, что операционные понадобятся для чего-то экстренного, а все хирурги, какие могут, в этот день катаются на лыжах.

– Плановая операция?

– Именно. В понедельник, девятнадцатого февраля 2001-го тебе удалили инфильтративную протоковую карциному.

– Что-что?

– Это рак груди.

– Я мужчина.

– У мужчин тоже бывает рак груди. Не так часто, ведь у вас совсем мало грудных тканей, но такое случается. Здесь сказано, её удалили под местным наркозом.

– Нет, нет; это наверняка кто-то другой, кто-то с похожей фамилией. Кроме того, я тогда учился в университете в Виннипеге; я не мог быть в Калгари.

– А по какому поводу ты был здесь в январе?

– Меня пырнули ножом.

– Господи Иисусе! Что же ты такого сделал? Сказал кому-то, что голосовал за либералов?

– Что-то вроде того.

– Я не нахожу никаких следов твоего пребывания здесь из-за чего-то подобного.

– Ты уверена?

– Угу.

– Э-э... ладно, о'кей. Спасибо, Сэнди.

– Джим, так что всё это...

– Мне нужно идти. Поговорим позже.

– Ладно. Пока.

– Пока.

Я упал обратно в кресло, учащённо и хрипло дыша.

¹⁹ Произношение фамилии совпадает со словом «мясник» (англ.).

7

– Хорошо, – сказал я, глядя на море лиц. – Субъективна мораль или объективна? Кто ответит?

– Субъективна, – отозвался Борис, не потрудившись прежде поднять руку.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что она разная у разных людей.

– И у разных культур, – добавила Нина.

– Правильно, – сказал я. – Некоторые люди за аборты, – другие против. Некоторые верят, что всегда нужно протягивать руку помощи – другие считают, что вы ослабляете людей, ограждая их от необходимости бороться самим. Верно?

Кивки.

– Но Сэм Харрис... кто знает, кто это такой?

– Знаменитый атеист, – ответил Кайл.

– Да, верно. Его самая известная книга – «Конец веры», но он также написал другую, под названием «Моральный ландшафт», в которой доказывал, что если вы определяете моральные деяния как такие, что способствуют процветанию осознающих себя существ, то существует и такое явление, как объективная мораль. Рассмотрим вот какой сценарий. Вообразим себе мир, в котором каждый человек испытывает максимум страданий; каждый испытывает такую физическую и эмоциональную боль, какую только способны испытать человеческое тело и разум, – что-то вроде пребывания в аду или, я не знаю, в Питтсбурге.

Смешки.

– Итак, говорит Харрис, что, если мы можем уменьшить эти страдания на самую малость? Что, если мы уменьшаем физическую боль с уровня десять из десяти до уровня девять из десяти, пускай даже для одного-единственного человека? Будет ли это объективно моральным деянием? Существует ли какой-либо мыслимый контраргумент, система морали, в которой неумножение боли может считаться правильным поступком? Да, да, мы можем изобрести сценарий, в котором это игра с нулевой суммой – я уменьшаю твою боль, но боль кого-то другого вследствие этого увеличивается. Однако это не та ситуация, что описывает Харрис. Он говорил о том, что каждый человек испытывает максимально возможный объём страданий; ослабление боли одного человека никак не может усилить боль другого. Так что в данных обстоятельствах не является ли уменьшение страданий даже одного человека объективно моральным деянием? А уменьшение страданий двоих – это даже лучше, верно? А если вы способны уменьшить страдания каждого, пусть даже совсем чуть-чуть, – не будет ли это моральным императивом?

Бориса это не убедило.

– Да, но кто может сказать, какую максимальную боль может испытывать человек?

– Ты смотрел «Призрачную угрозу»?

Некоторые из студентов снова засмеялись, но Борис лишь нахмурился.

– Если что-то может стать немного меньше, оно может стать и немного больше.

– Но не в том случае, когда в чувстве боли задействованы нейроны, – ответил я. – Если все регистрирующие боль нейроны срабатывают одновременно, это максимум. Человеческий мозг – объект конечных размеров.

– У некоторых более конечных, чем у других, – сказала Нина, выразительно глядя на Бориса.

– Так вот, – продолжил я, – о моральном релятивизме мы поговорим позже. Сегодня же я хочу коснуться утилитаризма – а утилитаризм стремится к полной противоположности ада из мысленного эксперимента Сэма Харриса. Утилитаризм – ужасно неудачное название.

Оно звучит холодно и расчётливо. Но на самом деле это тёплая, даже любящая философия. Иеремия Бентам и Джон Стюарт Милль были её первыми сторонниками и пропагандистами, и они говорили, что все действия должны быть направлены на достижение наибольшего счастья для наибольшего числа людей. Чем счастливее люди, тем лучше. Чем больше счастливых людей, тем лучше.

Я посмотрел на Бориса, который снова хмурился.

– Товарищи, – сказал я, – у вас несчастный вид.

Нина и несколько других студентов засмеялись.

– Просто это кажется таким корыстным, – сказал Борис.

– Но это вовсе не так, – ответил я. – Бентам и Милль оба ясно выразились на этот счёт. В рамках утилитаризма следует быть нейтральным, оценивая собственное счастье в сравнении со счастьем кого-то другого. Да, эта философия не призывает к самопожертвованию – ты не обязан жертвовать собственным счастьем ради счастья другого, – но если какое-либо действие приводит к тому, что твоё счастье немного уменьшится, а счастье кого-то другого значительно увеличится, то здесь вопросов нет: ты должен это сделать. Ты не можешь ставить свои нужды выше нужд других людей.

– Расскажите, как это работает в вашем случае, – попросил Борис.

Когда я впервые уехал в университет, то оставил массу своих вещей в родительском доме в Калгари; Хизер сделала то же самое. Но когда умер наш отец, цены на жильё в Калгари пробивали все потолки, и мама захотела найти для себя дом поменьше. Я приехал и избавился от вещей, которые были мне не нужны, а то, что хотел сохранить, перевёз в Виннипег на взятом напрокат грузовике.

И, как это случается с коллекцией хлама, которая, как ты считаешь, может когда-нибудь пригодиться, не прикасался к ним с тех самых пор – хотя время от времени отвозил ящик-другой на свалку, чтобы будущим аспирантам-археологам было чем заняться.

Я приехал в складскую ячейку, которую снимал для этой цели, и принялся в ней рыться. Большая часть моего барахла хранилась в одинаковых картонных коробках, которые я купил в конторе по организации переездов, но кое-что было сложено в банковские ящики, а старая одежда – несомненно вышедшая из моды, хотя я, наверное, последний, кто способен это подтвердить, – в ярко-оранжевых мешках для мусора. В свой тёмный период я жил в Виннипеге, но, как я полагал, могли найтись открытки с пожеланиями выздоровления, относящиеся к моему пребыванию в больнице в Калгари, или копии полицейских протоколов, относящихся к нападению. Но я не смог найти ничего такого.

Два самых тяжёлых известных вещества – это нейтроний и коробки с книгами. Я передвинул несколько, нагрузив при этом верхнюю часть тела больше, чем привык. В конце концов я добрался до коробки с надписью «Учбн. 2000–01», сделанной чёрным маркером. Опустил её на пол и вскрыл резакom упаковочную ленту.

Внутри были обычные неподъёмные тома с названиями вроде «Социальная психология», «Статистика для гуманитариев» или «Фрейд и Юнг в перспективе», но также обнаружилась и кое-какая фантастика в мягкой обложке. А, тот самый полугодовой курс из сегмента английской словесности, который я тогда посещал. Здесь был «Франкенштейн», и «Война миров», и «1984» – эти названия я по крайней мере узнал, хотя не мог вспомнить, как читал книги, а вот остальных я не помнил вообще. Я взял одну из таких, с красивым изображением парохода в бухте с заросшими зелёным берегами на обложке: «Дарвиния» Роберта Чарльза Уилсона. В эпоху до появления электронных книг у меня была привычка использовать чек из магазина в качестве закладки. Я открыл книгу на заложенной странице, чтобы посмотреть, не пробудит ли её текст каких-нибудь воспоминаний, но...

Чек был из «Макнелли Робинсон»²⁰ в Поло-парк. Этого магазина больше не существовало, но дата...

Дата на чеке была 31–12–00, одна из немногих в этом формате, которая не допускает разночтений: 31 может означать только число, а два нуля – только год; значит, книга была приобретена в канун Нового года, 31 декабря 2000-го.

Здесь. В Виннипеге.

На чеке было и время – 17:43, то есть перед самым закрытием в предпраздничный день; даже самые ботанисты из ботанов не встречают Новый год в книжном магазине.

Конечно, книгу для меня мог приобрести кто-то другой...

Но нет, внизу чека был напечатан номер кредитной карты; иксы заменяли все его цифры, кроме четырёх последних, и их я узнал: этот номер со мной уже много лет. Я сам пошёл и купил книгу, планируя наверстать обязательное чтение к моему курсу за оставшуюся неделю рождественских каникул.

Да, технически можно быть в Виннипеге в 5:43 вечера и всё ещё успевать прилететь в Калгари, чтобы прокричать «С Новым годом!» шесть часов спустя – вернее, семь, если учесть разницу в пояском времени, – но с чего бы это я поехал домой на Новый год, а не на Рождество, пусть даже родители и сестра были в отъезде? Что же это такое творится-то?

Я продолжил раскопки и нашёл дилбертовский²¹ настенный календарь за 2000 год. Я надеялся найти за 2001-й, но не нашёл. Я пролистал его до последней страницы, с которой на меня уставился Роговолосый Шеф, и нашёл дни между Рождеством (которое в тот год выпало на понедельник) и Новым годом. На эти дни моим почерком было записано четыре дела. На День подарков²² я записал «Майлс ок. бти». Я много лет не вспоминал о Майлсе Ольсене; мы ходили вместе на один курс и иногда собирались, чтобы выпить пива. На тридцатое я записал «Запл. за общагу». А на двадцать девятое и тридцать первое было записано «Уоркентин». Занятий в те дни не было, так что это, должно быть, было связано с его исследовательским проектом, в котором я согласился участвовать.

Я просмотрел предыдущие дни: Уоркентин был записан ещё трижды на неделе перед Рождеством. Первые записи были сделаны чёрной пастой, последние – синей. То есть они не писались все одновременно, что означало – о последних встречах мы договорились уже после первых; он зачем-то снова меня позвал, причём перед самым Новым годом.

Вчера я сказал Менно, что тридцать первого декабря 2000-го был в Калгари. Конечно, вполне возможно, он забыл, что я был тогда здесь, ведь столько лет прошло. Но он вообще ничего про это не сказал.

Нет, нет, что-то здесь не так. Он повернулся ко мне, пряча слепые глаза за чёрными линзами очков, и сказал: «Иногда лучше не трогать спящую собаку». Я ещё подумал, что это странно: он ведь, в конце концов, психолог, задача восстановления моей утраченной памяти должна была привести его в восторг.

Я пользовался gmail'ом ещё с тех времён, когда нужно было приглашение, чтобы завести себе аккаунт, но их архивы тянутся лишь до 2004 года. В 2001-м у меня был студенческий имейл в университете, так что я позвонил в IT-отдел в слабой надежде, что они хранят архивы за такую седую древность; они их не хранили. Однако у меня была привычка распечатывать письма, которые я хотел сохранить, – и, к моему восторгу, я отыскал папку с целой кучей таких в той же самой коробке, в которой нашёл календарь: пачка распечатанных на матричном принтере листов, по одному письму на страницу, толщиной примерно в полдюйма, удобно

²⁰ Одна из крупнейших книготорговых сетей Канады, основанная в Виннипеге в 1981 году.

²¹ Персонаж сатирических комиксов об офисных работниках.

²² 26 декабря.

отсортированная по дате. Я начал её просматривать: учебные задания, несколько писем от сестры, но ничего такого, что подстегнуло бы память.

Я добрался до конца февраля и перелистнул страницу; следующее письмо было от второго марта, и оно было – о боже! – от Кайлы Гурон. Тема была «Отв: Пятница», однако о чём было моё письмо, на которое она отвечала, было потеряно для истории; она его не процитировала, когда писала: «Да, я тоже. С удовольствием! Тебе нравятся «Crash Test Dummies»? Они выступают в Виннипегском на следующей неделе. Достанешь билеты?» Это было всё содержание письма, плюс ещё число 2,9 в самом низу.

Я продолжил читать дальше; было где-то два десятка писем от Кайлы вперемежку с другими. Другие письма были посвящены вещам прозаическим – я явно распечатывал только те имейлы, где упоминались дела, которые мне нужно сделать, – да и в письмах Кайлы речь тоже шла о повседневных вещах, но было в них также и другое: флирт, через пару недель усилившийся до уровня порно. По-видимому, мы были *далеко не только* однокурсниками.

И все её послания заканчивались одним и тем же числом: 2,9. Кроме последнего, смысл которого был яснее ясного: «Забирай свои манатки, козлина».

Насколько я мог судить, мы с Кайлой пускались во все тяжкие в течение трёх с половиной месяцев, после чего, по всей видимости, разругались насмерть. И примерно через полчаса я увижу её в первый раз за девятнадцать лет.

8

Я ехал по шоссе Пембина на встречу с Кайлой и снова слушал «Си-би-си». Когда я поворачивал к Грант-Парк-моллу, начался очередной выпуск новостей.

– *Важная новость с Парламентского холма: Либеральная партия премьер-министра Джастина Трюдо только что потеряла власть, после того как его основанный на углеродном налоге бюджет не смог получить одобрения в парламенте. Ситуация напоминает ту, в ходе которой его отец, Пьер Трюдо, ненадолго потерял свой пост в 1974 году. Канадцы придут на избирательные участки через месяц, чтобы выбрать нового главу государства...*

Я перешёл через парковку, вошёл в «Пони-Коррал» и представился симпатичной молодой женщине за конторкой. Не знаю, зачем в ресторанах такие штуки; при их виде мне непроизвольно хочется прочитать лекцию.

– Вы сегодня один? – спросила она.

Ненавижу, когда они спрашивают «Вы один?» этим сочувственным тоном. «Мне очень жаль, что вы лузер, сэр». Но я постарался подавить раздражение.

– Вообще-то я встречаюсь тут кое с кем. Не возражаете, если я сначала осмотрюсь?

Она сделала жест в сторону зала, я вошел и огляделся – однако Кайла заметила меня первой.

– Джим!

Я увидел привлекательную рыжеволосую женщину в отдельной кабинке. На фото в Википедии она была брюнеткой, но имбирный цвет ей шёл. Когда я приблизился, она встала. Обычно, когда я встречаю старых друзей, которых давно не видел, то готов к объятиям или поцелую в щёку, но Кайла выглядела... какой-то скованной, что ли, так что я просто сел напротив неё.

Выражение её лица сменилось – как мне показалось, вследствие сознательного усилия, – и я осознал, что она оценивает меня так, как оценивают кого-то, кого много лет не видели: седина в волосах, залысины, брюшко, морщины. В этом контрольном списке оба квадратика, касающиеся волос, галочек не содержали; веганская диета поддерживала стройность, а вот морщины, чёрт бы их побрал, я предпочитаю называть «мимическими». Я по крайней мере ничем

подобным сейчас не занимался – у меня не было о ней старых воспоминаний, с которыми можно было бы сравнивать. А то, что я видел сейчас, мне вполне нравилось.

И всё же чисто ради соблюдения приличий я сказал:

– Ты ничуть не изменилась.

Она улыбнулась, но опять же немного скованно, отстранённо.

– Ты тоже. – Она уже заказала бокал белого вина. – Ну так что, – добавила она, – что нового?

Я люблю отвечать на этот вопрос: «Новая Гвинея, Новая Каледония, Новая Зеландия», но я не знал эту женщину – вообще её не знал; я не был уверен, что ей эта шутка покажется смешной. И всё же, когда-то я ей нравился, так что, вероятно, быть самим собой – не такая плохая идея. Я выдал свой список «нового» и действительно заработал улыбку – и по крайней мере на секунду её неуверенность пропала.

– То же чувство юмора, – сказала она. – Помнишь профессора Дженкинса? За какую шутку он выгнал тебя с семинара?

Меня спасла подошедшая официантка в тесном чёрном топе с глубоким вырезом.

– Что будете пить, сэр?

– Что у вас есть из разливного?

Она перечислила. Я выбрал тёмное крафтовое пиво, потом снова повернулся к Кайле. К сожалению, она повторила вопрос:

– Помнишь? Ту шутку? Что-то про орангутана?

Чёрт, не думаю, что слышал хотя бы одну шутку про орангутана за всю свою жизнь – ну, за исключением того места из «Симпсонов», где они пели «Дай руку, доктор Зеус²³» на мотив «Rock Me Amadeus».

– Забыл, – сказал я.

Она слегка повела плечами.

– Ну, столько лет прошло. Так что с тобой было? Ты женат?

– Был, недолго. Развелись пару лет назад. А ты?

– Тоже разведена. Живу с дочкой. Ей шесть.

– Как её зовут?

– Райан.

Я кивнул. Одно из имён, которые стали из мужских женскими уже на моей памяти. Я всё жду, когда кто-нибудь из моих друзей назовёт дочь Бастером или Дирком.

Официантка вернулась с моим пивом. Я поблагодарил её и отпил из кружки. У нас с Кайлой была ссора – и, видать, немалая, раз это заставило её уйти из моей жизни на двадцать лет, – но я её совершенно не помнил. Может быть, ей было за что на меня обозлиться, – может быть, она возвела на меня ужасную напраслину, но раньше это было как-то понарошку и не пробирало меня до печёнок.

– Кайла, – сказал я. – То, что случилось тогда, ну, ты знаешь. Я просто хочу сказать, что очень сожалею об этом.

Несколько мгновений она смотрела на меня, словно ища что-то в выражении моего лица. Потом чуть-чуть склонила голову.

– Спасибо, Джим.

Я сделал глубокий вдох, затем выдохнул.

– Кайла, мне нужна твоя помощь.

– Какого рода?

– Я, э-э... со мной кое-что случилось много лет назад, где-то за два месяца до того, как мы начали встречаться. Не знаю, рассказывал ли я тебе об этом...

²³ Персонаж фильма «Планета обезьян», учёный-обезьяна.

– Я ничего такого не помню.

– Ну, в общем, я едва не умер. И по-видимому, что-то произошло с моей памятью. Я... мне действительно очень жаль, но до сегодняшнего дня, до того момента, как ты позвонила, я вообще тебя не помнил.

– Серьёзно?

– Прости.

– Тогда зачем ты решил увидеться? Судя по твоему голосу по телефону, ты так обрадовался.

– Так и было. Я потерял воспоминания о шести месяцах жизни – с января по июнь 2001-го – и хотел их вернуть. Я надеялся, ты сможешь заполнить какие-то пробелы. Сегодня я прочитал твои старые имейлы и...

– Ты их сохранил? – ошеломлённо спросила она.

– Да, распечатки некоторых из них.

Она отпила вина, потом осторожно поставила бокал на стол, словно опасаясь, что он опрокинется.

– Это объясняет, почему я от тебя ничего не слышала все эти годы.

– Прости.

Мимо проплыла официантка. Кайла проследила за ней взглядом – возможно, чтобы не смотреть на меня. Когда официантка исчезла из виду, Кайла упёрлась взглядом в скатерть.

– Я о тебе гуглила иногда, – сказала она. – У тебя неплохо шли дела.

– Спасибо. – Небольшая пауза. – Мне не даёт покоя одна деталь, – снова заговорил я. – Многие из тех имейлов заканчивались числом: две целых, девять десятых. Что оно означает?

Внезапная короткая улыбка – приятное воспоминание?

– Ты и правда потерял память, да? – Она залезла в свою сумочку и вытащила шариковую ручку. Затем подтянула к себе салфетку. – Знаешь, как на языке смайликов обозначается любящее сердце? – Она написала: «<3».

– Да?

– Это знак «меньше», за которым следует цифра три, видишь? А что меньше трёх? Две целых, девять десятых. Такой вот милый способ сказать то же самое.

– Ха! Никогда бы не додумался.

Она снова улыбнулась; в этот раз в её улыбке, несомненно, была теплота.

– Именно так ты и сказал, когда я объясняла тебе это в первый раз.

– То есть... прости, конечно... то есть мы были... влюблены?

Её глаза снова бежали зал, хотя в этот раз не на кого было смотреть.

– Кто знает? Мне тогда казалось, что да, но мы были практически детьми.

Я снова отпил пива.

– Да уж.

Подошла официантка принять наш заказ: очень вовремя, это помогло прервать неловкий момент.

– Что будете есть? – спросила она.

– Стейк-сэндвич, – ответила Кайла. – С кровью. С салатом «Цезарь», пожалуйста.

– А вы?

– Веганские роллы, – сказал я.

– Хорошо, – ответила она и уплыла восвояси.

Кайла вскинула брови:

– Веганские роллы? Тебе же всегда нравился хороший стейк.

Она была права, но так было до того, как я прочитал Питера Сингера. Самый известный современный утилитарист, Сингер написал, среди прочих, книгу «Освобождение животных», которая запустила целое движение за права животных. Если люди способны оставаться здо-

ровыми, питаюсь одними растениями, то небольшое увеличение счастья, которое может простекать от ощущения вкуса курицы или говядины, никак не может компенсировать боль и страдания животных, выращенных или забитых в изуверских условиях.

– Я изменился, – объяснил я.

Она прищурилась, словно ответ её не удовлетворил.

– Но ты не возражаешь, если я буду стейк?

– Я из Калгари. Если бы я не переносил вида людей, которые едят говядину, я не смог бы вернуться домой.

– Ха. – Она снова отпила вина. – Жестокий.

Мы проболтали следующие полчаса, в течение которых прибыла заказанная еда, и медленно, но уверенно она становилась со мной более раскованной частично благодаря, как мне хочется думать, моему природному очарованию, а частично – второму бокалу вина. Она упомянула наши свидания, которые за все эти годы не изгладились из её памяти: как мы ездили на выходные в Фарго; как участвовали в КейКоне, ежегодном виннипегском конвенте любителей фантастики; как ходили на матч «Блю Бомберс»²⁴; как зависали в «Аква-Букс» и «Поп-Сода» – к сожалению, сейчас уже закрытых; как парились в традиционной бане индейцев кри. Я надеялся, что что-то из этого всколыхнёт мою память, но нет, я ничего этого не помнил.

Кайла наконец замолчала; не слишком, должно быть, приятно предаваться воспоминаниям с тем, кто может ответить лишь «Правда?», «Да ты что!» или «Вау, похоже, нам там и правда было здорово». Чтобы заполнить паузу, я решил деликатно сменить тему:

– А ты, гмм, ударились в нью-эйдж?

Она едва не подавилась вином.

– Что?

– Ну, я заглянул в Википедию, там сказано, что ты работаешь в каком-то «Канадском Центре Просветления».

Она рассмеялась чудесным тёплым смехом.

– Ты хочешь сказать, в «Канадском Источнике Света»? Это синхротрон, крупнейший ускоритель частиц в Канаде; лишь чуть-чуть недотягивает до трёх гигаэлектронвольт. Он расположен на территории Саскачеванского университета.

– О! Но там сказано «исследования сознания».

– Ну да. Психология была твоей основной специальностью, у меня же – побочной, а основная – физика. Однако курс Уоркентина заставил меня всерьёз заинтересоваться мозгом, и закончилось это тем, что я теперь работаю в области квантовой механики сознания. После выпуска из Манитобы я уехала в Университет Аризоны и училась там у Стюарта Хамероффа.

– Кто это?

– Анестезиолог. Его заинтересовало, что именно происходит, когда он лишает людей сознания. Роджер Пенроуз, физик, который иногда сотрудничает со Стивеном Хокингом, написал книгу, в которой доказывал, что сознание должно быть квантово-механическим; оно не может описываться одной лишь классической физикой вследствие теоремы Гёделя о неполноте. Стюарт прочитал книгу и связался с ним – это было двадцать пять лет назад. И вот поэтому я сейчас в «Источнике Света»; я сотрудничаю со специалистом по ускорителям, которая разработала методику детектирования суперпозиции без возбуждения декогеренции.

– Китайская грамота, – сказал я.

Она тепло улыбнулась.

– «Суперпозиция» – это сугубо квантовое явление, когда нечто находится сразу в двух состояниях: к примеру, не здесь *или* там, а одновременно *и* здесь, *и* там. Когда суперпозиция коллапсирует в одно из состояний, мы называем это «декогеренцией». Так вот, моя работа

²⁴ Виннипегская футбольная команда (американский футбол).

основывается на том, что привлекло Стюарта к Пенроузу. Стюарт говорил: вдыхание анестетика, такого как «Галотан», воздействует на микротрубочки – элементы цитоскелета – нейронов. В микротрубочках имеются двудольные полости, и каждая из них содержит свободный электрон. Когда ты бодрствуешь, эти электроны находятся в суперпозиции, одновременно присутствуя в верхней и нижней доле. Когда применяется анестетик, электроны теряют когерентность и коллапсируют в одно из двух возможных состояний – и в этот момент пациент утрачивает сознание.

Я нахмурился, пытаюсь уложить всё это в голове.

– То есть «Галотан» используется в качестве ингалянта при анестезии?

Кайла кивнула:

– Верно.

– А анестезия – это состояние, в котором в мозгу действует только классическая физика?

– Когда ты в отключке – да.

– То есть «Галотан» – классический газ.

– Что?

– У него есть собственная инструменталка.

– О чём ты говоришь?

– «Классический газ». Это знаменитая инструменталка Мейсона Уильямса. – Я изобразил тему тромбона: *ба-ба-ба-бум-ба-ба*.

– Ты очень странный человек, Джим, – сказала Кайла.

Она была не первой, кто это заметил; тем не менее, думаю, я малость приуныл, потому что она протянула руку и похлопала меня по тыльной стороне ладони.

– Как раз из-за этого я тогда в тебя и втюрилась.

Я улыбнулся, а она продолжила:

– Так вот, моя работа касается сознания как продукта квантовой суперпозиции электронов в нейронных микротрубочках. И в общем... я поэтому и искала с тобой встречи.

– Э-э... если честно, не вижу связи.

– В новостях показывали, как ты выступал экспертом на том процессе.

Я отвёл взгляд.

– Ох ты ж...

– И знаешь, ты ведь *знал* о своём деде. Я помню, как про это написали газеты. Ты был просто раздавлен новостью.

– Да, и сестра так же сказала. Но я, честное слово, не помню. Я... это так странно – не помнить ничего о том периоде.

– Ещё бы.

– И ты из-за этого хотела со мной встретиться? Из-за моего деда?

– Нет-нет-нет. Ну, то есть это тоже всё очень интересно, но я зацепилась глазом за твою новую методику – эту штуку с микросаккадами.

– Зацепилась глазом. За микросаккады.

– Что? А-а!

Она покачала головой, притворно сердясь, потом сказала:

– Нет, меня заинтересовала корреляция с опросником Хейра. Я следила за твоей работой в этой области.

– Да?

– Ага. Потому что, как и ты со своим микросаккадным тестом, я нашла состояние квантовой суперпозиции, точно соответствующее психопатии. Высокий результат по опроснику Хейра коррелирует с этим состоянием.

– Серьёзно?

– Более чем. – Она взглянула на часы. – О, чёрт, время! Мне пора бежать. Меня ждут назад в три.

И на этом всё должно было закончиться, но слова словно бы сами выскочили из меня:

– Как тогда насчёт ужина?

Её брови вскинулись, но после пары долгих секунд раздумья она ответила:

– Конечно. Конечно, почему нет?

* * *

Мы с Кайлой договорились встретиться за ужином в восемь вечера, что оставляло мне почти пять свободных часов, которые я снова-таки решил потратить на проверку своих воспоминаний. Мы с ней начали встречаться лишь в марте 2001-го, так что с новогодней ночью она мне помочь не могла, но, возможно, мог кое-кто другой.

Полагаю, нужную мне информацию можно было найти где-то в Интернете, но ничто не сравнится с живым человеческим участием. Поэтому по возвращении в офис в Дафф-Роблин-Билдинг я позвонил, чтобы убедиться в наличии нужного мне человека на месте, и отправился по Дайсарт-роуд в офис Салли Махаффи, которая преподавала метеорологию на факультете с неуклюжим названием «Факультет окружающей среды, Земли и ресурсов». Зимой такая прогулка была бы омерзительной, но в мае здесь довольно приятно, если не ступать в помёт бродящих повсюду канадских гусей.

Внутри Уоллес-Билдинг был оформлен в стиле «тинкертой»²⁵ – повсюду красные, зелёные и жёлтые трубы, а туалеты – причудливые автономные модули, похожие на внесённое внутрь здания деревенское отхожее место. Офис Салли располагался в коридоре, раскрашенном от пола до потолка, включая двери, в ярко-жёлтый цвет; я шёл по нему, и казалось, что я попал в тубик с французской горчицей.

Вообще в университете масса преподавателей, с которыми я незнаком, но с Салли мы пересекались несколько раз в её роли казначея Преподавательской ассоциации. Ей за шестьдесят, и волосы у неё очень подходящего цвета грозовой тучи.

– Здравствуйте, – сказал я, входя. – Спасибо, что нашли для меня время.

К стене её офиса был привинчен металлический стеллаж, на котором она устроила выставку винтажного метеорологического оборудования; я испытал внутреннюю гордость от знания того, что вот этот пропеллер с чашечками – анемометр.

– Да без проблем, – ответила Салли, вставая с кресла – и почти не став при этом выше. – Чем могу помочь?

– Я ищу кое-какие старые данные о погоде.

– Насколько старые?

– За 2001 год.

В её голосе прозвучало явное облегчение.

– На прошлой неделе ко мне приходил студент с исторического за отчётом о погоде во время ключевой битвы Войны 1812 года. Пришлось объяснить бедолаге, что архивы канадского Министерства окружающей среды ведутся не *настолько* давно. – Она уселась перед компьютером и начала быстро печатать двумя шишковатыми пальцами. – Место?

– Калгари.

– Аэропорт или центр?

– Думаю, центр.

– Дата?

²⁵ Детский конструктор, где трёхмерные конструкции собираются из катушек с отверстиями и вставляемыми в них палочками.

– Первое января, после полуночи, где-то два часа ночи.

Она с минуту работала молча. Над столом висела политическая карикатура с тремя растерянными стариками в мешковатых штанах для гольфа на островке нескольких футов в диаметре посреди бескрайнего моря. Подпись: «Отрицатели глобального потепления на пенсии во Флориде».

– Готово, – сказала она, разворачивая монитор ко мне.

На экране было так много данных – метеорологи, по-видимому, измеряют целую кучу того, что обычным людям не нужно, – что мне понадобилось какое-то время, чтобы разобраться. Но в конце концов я нашёл, что искал: «Снегопад».

– Вот это странно, – сказал я, тыча пальцем в экран. – Вы уверены, что это та самая дата?

Она показала мне на экране дату; время также было правильное.

– Вы можете показать мне предыдущий час и последующий?

Она кивнула. В отчёте за час ночи тоже стояло «Снегопад». В три часа ночи – «Обильный снегопад».

– Но небо было кристально чистое, – сказал я. – Я ведь помню.

– Я на своём веку видела много удивительных погодных явлений, – мягко сказала Салли. – Торнадо, тройное солнце, град размером с грейпфрут. Но я никогда не видела, чтобы снег падал с безоблачного неба. Вы уверены, что правильно помните дату?

– Да.

– И год тоже? Я только в феврале отучилась писать «2019».

– Да, – сказал я, – насчёт даты я уверен. – Я так ясно помнил звёзды в ту ночь, Орион низко над горизонтом на юго-западе. Я знал звёздное небо буквально как свою ладонь; зимой Орион виден в Калгари именно в это время ночи. По крайней мере когда небо ясное.

Мне пришлось хватиться за край Саллиного стола, чтобы не упасть.

9

Двадцать лет назад

Менно Уоркентин был дружен с Домиником Адлером, уроженцем Торонто, который возглавлял в университете кафедру аудиологии имени Бев Геддес. Они играли в ракетбол раз в неделю; Доминик, несомненно, играл лучше.

– Равновесие, мальчик мой! – восклицал он, беря отскок, ошеломивший Менно. – А всё равновесие во внутреннем ухе!

Менно недавно купил ракетку из углеродного волокна в напрасной надежде, что качественный инвентарь компенсирует его недостаток координации. Он подал, и жилистый Доминик с силой вернул мяч. Менно предсказуемо промазал. Идя за мячом, он сказал:

– Я сегодня проходил мимо твоей лаборатории. Видел, как тебе привезли целую тележку нового оборудования. – Он рассеянно бросил мяч в направлении Доминика.

Доминик подал, и Менно удалось вернуть мяч трижды, прежде чем промахнуться. Когда Менно вновь отправился за мячом, Доминик сказал:

– Да, мы получили большой исследовательский грант.

– От кого?

Доминик опустил ракетку и жестом подозвал Менно поближе.

– От МО.

В спорте Менно, может быть, и не блистал, но в играх на знание всякой всячины типа «Своей игры» был просто богом.

– В Канаде это называется МНО. Министерство Национальной Обороны.

– Да, это так, – согласился Доминик. – Но я говорю не про канадское министерство. Я говорю про американское – про Пентагон.

– *Ка-чинг*²⁶, – сказал Менно.

Доминик улыбнулся.

– Он был государственным казначеем при династии Мин?

– Ха-ха. И чего хотят американцы?

– Жизни, свободы и стремления к счастью, – ответил Доминик. – Но с этим у них пока не выходит, так что они решили ограничиться боевой аудиосистемой, которая позволит солдатам слышать, невзирая на взрывы и миномётный огонь. Мой отдел собирается её для них разработать.

– А ты не можешь сделать то же самое, что делают те новомодные звукоподавляющие наушники?

– Да, конечно, – сказал Доминик, – это самая лёгкая часть. Трудная – это микрофон. Последнее, что нужно солдату, – это орать в микрофон, пытаясь перекричать взрывы. Неприятель может услышать.

– «Неприятель», – усмехнулся Менно.

– Ну да, с кем поведёшься... – Доминик подбросил мяч в воздух и послал его ракеткой в стену, испещрённую следами прошлых ударов.

– И как продвигается проект? – спросил Менно, отбив мяч.

Доминик даже не попытался перехватить; просто позволил мячу пронестись мимо.

– Да никак. Практически невозможно расслышать шёпот, когда вокруг рвутся бомбы.

Менно взглянул на висящие за защитной решёткой стрелочные часы. Их время почти закончилось.

– Ну, это неправильный подход к проблеме.

Доминик подобрал мяч и двинулся к двери в боковой стене.

– Что ты имеешь в виду?

– Проблема в том, что ты пытаешься уловить звук. Не нужно этого делать.

– Нам нужно слышать, что они говорят.

– Вовсе нет, – возразил Менно. – Вместо этого перехвати фонемы в момент, когда они формируются в мозгу. Распознай их специальным сканером. Таким образом, говорящему вообще не потребуется что-либо говорить – стало быть, нечего подслушивать. Он просто имитирует слова. Произносит он их или нет – для участка мозга, где это происходит, никакой разницы; они всё равно должны следовать в нужном порядке. Вытащи их оттуда, а потом на принимающей стороне синтезатор голоса снова превратит их в звуки.

Брови Доминика поднялись до самых залысин.

– И это будет работать?

Менно улыбнулся.

– Кто ж знает? На самом деле само существование такого участка мозга – чистое предположение. Но когда я говорю тебе телефонный номер и ты пытаешься не забыть его до тех пор, пока не запишешь, ты повторяешь и повторяешь его в голове, верно? Где-то есть буфер, содержащий данные, которые ты повторяешь. Просканируй этот буфер и достань оттуда звуки, которые *не были* произнесены вслух. – Менно улыбнулся. – По крайней мере должна получиться неплохая статья.

– Только опубликовать её будет нельзя. Все работы ведутся под соглашением о неразглашении.

– Ха. А насколько большой грант?

– Двести пятьдесят тысяч долларов. Американских. Хочешь поучаствовать?

²⁶ Звукоподражание, имитирующее звук работы механического кассового аппарата; используется для намёка на возможность получения больших денег.

Менно больше привык к грантам Канадского совета по социальным наукам и гуманитарным исследованиям, которые ограничивались пятью цифрами, а то и четырьмя. Но Министерство обороны! Менно был меннонитом²⁷. Идея работы на армию была ему отвратительна, и если его собраты по церкви узнают, то последствия будут весьма тяжёлыми. Однако публикаций не будет, и в самом деле это ведь не разработка оружия, нет же. Просто интересное психологическое исследование – с гигантским бюджетом.

– О'кей, – ответил наконец Менно. – Я в игре.

* * *

– Не понимаю, – сказал Доминик несколько месяцев спустя. – Всё работало отлично с первыми двумя подопытными. Почему не работает с этим парнем?

Менно считал, что «отлично» было существенным преувеличением. Они действительно научились доставать из мозга произнесённые фонемы, но всё ещё имели большие проблемы с тем, чтобы отличить их друг от друга. Отличить «та» от «да», похоже, было вообще невозможно, хотя Менно полагал, что они могли бы написать программу, которая делала бы правильный выбор на основе предшествующих и последующих фонем. Но прежде чем отличать фонемы друг от друга, их сначала следовало обнаружить, что превратилось в сущий кошмар в случае с этим добровольцем-второкурсником с курса экспериментальной психологии, который вёл Менно.

Доминик и Менно находились по другую сторону стеклянной стены от подопытного, рыхловатого паренька-украинца по имени Джим Марчук. Менно нажал кнопку интеркома.

– Джим, попробуй снова. Какую фразу ты только что думал? Произнеси её вслух.

– «Пройти по жизни в нынешнем мире – значит отдать всё, что есть»²⁸.

– Так, всё верно. Теперь снова – но про себя, хорошо? Снова и снова.

Менно знал, что гарнитура большая и неудобная и слишком громоздкая для применения в бою. Она состояла из модифицированного футбольного шлема с десятком прикрепленных к нему электронных устройств, каждое размером с колоду карт, и толстого пучка проводов, соединяющих их с аппаратурой, установленной на столе позади кресла, в котором сидел Джим. Но, если они сумеют заставить прототип работать, миниатюризация и подгонка будет уже задачей инженеров Минобороны.

Менно и Доминик пялились в дисплей осциллоскопа, показывающий реконструкцию сигналов, переданных гарнитурой. График выглядел как толстая полоса, занимающая почти всю высоту экрана; это было больше похоже на белый шум, чем на что-то осмысленное.

Дом постучал пальцем по висящим на стене над осциллоскопом распечаткам двух предыдущих подопытных. На них была единственная хорошо различимая линия с чёткими всплесками и провалами. Под графиком он записал красным маркером фонемы, соответствующие паттернам.

Менно покачал головой:

– Не могу даже сказать, когда он заканчивает одно повторение и начинает следующее.

Доминик потянулся к кнопке интеркома.

– Джим, спасибо. Теперь просто помолчи минуту, хорошо? Ничего не говори, ни вслух, ни про себя. Просто сиди спокойно, ладно?

Джим кивнул, и Доминик с Менно снова повернулись к осциллоскопу, который показывал такую же активность, как и раньше.

²⁷ Приверженец протестантской секты, принципиальный пацифист.

²⁸ «Making your way in the world today takes everything you've got» – строки из заглавной песни сериала «Весёлая компания» (*Cheers*, 1982–1993).

- Откуда, по-твоему, приходит этот шум? – спросил Доминик.
 - Не знаю. Ты уверен, что оборудование не перегревается?
- Доминик ткнул пальцем в экран телеметрии.
- С ним всё в порядке.
 - Ладно, может быть, этот пацан просто уродец. Давай проверим ещё кого-нибудь.

* * *

Менно был одет в тяжёлое зимнее пальто; на Доминике была ярко-синяя лыжная куртка, на которой всё ещё висел пропуск на подъёмник с горнолыжного курорта. Было три часа дня, стояла морозная погода, и солнце уже было на полпути к горизонту. Они шли вдоль Мемориальной Авеню Вязов, высаженной деревьями с обеих сторон дороги, которая вела из кампуса Форт-Герри к шоссе Пембина. Менно любил деревья и ненавидел войну. Будучи психологом, он понимал, что конкретно эта часть университета является физическим воплощением когнитивного диссонанса, который он ощущал, работая на Минобороны. Авеню Вязов в 1922 году была посвящена студентам и сотрудникам Сельскохозяйственного колледжа Манитобы, погибшим в Первой мировой войне; два с половиной года назад, в 1998-м, это посвящение было распространено также на павших во время Второй мировой и Корейской войн.

– Пентагону не понравится микрофон, которым сможет пользоваться только половина его солдат, – сказал Доминик; вместе со словами изо рта вырывались клубы пара. – По какой-то причине он не работает с некоторыми людьми; я теряюсь в догадках, почему они производят весь этот шум у себя в слуховой коре. Ну, то есть, если бы они жаловались на звон в ушах, это имело бы смысл. Или если бы слушали супергромкую рок-музыку или что-то вроде этого. Но эффект, похоже, совершенно случаен.

Менно задумался над этим, когда они шли мимо каменной плиты с табличками посвящения.

– Нет, – сказал он в конце концов. – Не совсем случаен. Ты прав в том, что у большинства из нашей группы подопытных нет этого фоновых шума, однако если рассмотреть только подопытных из групп, где преподаю я (Джим, Татьяна и остальные), то у большинства из них шум есть, и...

– Что?

Менно продолжал идти, скрипя утоптанном снегом под ботинками.

– Фоновый шум... – сказал он, осторожно следуя за идеей, словно она была кроликом, который удерёт, если его спугнуть. – В слуховой коре... – Его сердце забило быстрее. – Наблюдаемый преимущественно у изучающих психологию.

– Ну, я всегда говорил, что студенты-психологи несколько странные.

– Тут дело в другом, – ответил Менно. – Психология привлекает определённый тип студентов: тех, которые пытаются разобраться в себе. Это, знаешь ли, дешевле, чем ходить к психотерапевту.

Новое облако замёрзшего выдоха:

– И что?

– А то, что они, очевидно, всё время о чём-то размышляют, что-то переживают, чему-то удивляются. – Он почувствовал, как приподнявшиеся брови сталкиваются с краем вязаной шапочки, и понизил голос, словно, если говорить тише, идея покажется менее безумной. – В фоновом режиме... Это не шум. – Он покачал головой. – Это... Господи! Это *внутренний монолог* – поток сознания! Это постоянный фон нормальной жизни, все те вещи, о которых ты думаешь про себя:

Интересно, что на обед? Вот те на, сегодня что, четверг? Надо не забыть заехать в магазин по пути домой. Эти мысли – артикулированные мысли – тоже состоят из фона.

Они никогда не произносятся даже шёпотом, даже одними губами. Но это всё равно слова, состоящие из фонем. Так что вопрос не в том...

– Вопрос не в том, – подхватил Доминик, неожиданно останавливаясь под голыми древесными ветвями, – почему у некоторых людей *есть* фоновый шум в слуховой коре. Вопрос в том, почему у большинства людей его *нет*.

10

Наши дни

Я вошёл в лекционный зал в очень удачно названном Тайер-Билдинг²⁹; ряды первокурсников поднимаются передо мной почти к потолку. Некоторые выглядят как огурчики даже сейчас, в этот ступорный утренний час, но у большинства на лицах до сих пор следы безуспешных попыток проснуться. Тим Хортонс³⁰ явно сделал сегодня утром отличный гешефт: у половины студентов на откидных столах его красные картонные стаканы с кофе.

Я засунул руки в карманы своих чёрных джинсов и прошёл к кафедре.

– Итак, дамы и господа, начнём с шутки. Остановите меня, если вы её уже слышали. – Я улыбнулся и дождался, пока всё их внимание сконцентрируется на мне – по крайней мере внимание тех, кто обычно его проявляет. – Такой вопрос: почему дорога была перейдена утками?

Я продолжал улыбаться, но никто не смеялся. Через несколько секунд я заговорил снова:

– Тяжёлая публика, – эта реплика по крайней мере заслужила несколько смешков. – Кто предложит концовку?

Девушка европейской внешности с длинными рыжими волосами в третьем ряду начала было говорить: «Чтобы попасть на...», но замолчала, по-видимому, сообразив, что этот ответ подходит к нормальной формулировке вопроса «Почему утки перешли дорогу», а в данном случае лишён смысла.

Я пробую снова:

– Кто-то ещё? Почему дорога была перейдена утками?

Азиатского вида парень в пятом ряду складывает руки на обтянутой футболкой «Виннипег Джетс»³¹ груди.

– На это невозможно дать ответ, профессор Марчук.

– Почему?

Тон его голоса указывает на то, что свой ответ он тщательно обдумал.

– Ну у нас ведь занятие не по английской словесности, – это тоже заработало несколько смешков, – однако ваша шутка в пассивном залоге. В ней не происходит никакого намеренного действия, поэтому некому присвоить мотивацию типа «чтобы попасть на ту сторону».

– Именно! – сказал я обрадованно: я всегда радуюсь, когда занятие хорошо стартует. – И ты прав – мы тут не английским занимаемся, а психологией. Так что позвольте познакомиться вас с одной из базовых психологических концепций, а именно с понятием агентивности – субъективного осознания того, что вы иницилируете действия и сами их выполняете. А потом мы поговорим о том, почему, хотя мы все считаем себя обладающими агентивностью, вполне может быть, что это не так...

Я вернулся домой, принял душ, надел бордовую рубашку и чёрные слаксы и поехал на Форкс³². По дороге я снова слушал «Си-би-си»; шёл выпуск новостей «Мир в шесть часов».

²⁹ Здание названо в честь Уильяма Тайера, бывшего декана отделения гуманитарных наук; его фамилия – Tier – означает «ярус».

³⁰ Канадская сеть фастфуда.

³¹ Хоккейный клуб, выступающий в Национальной хоккейной лиге (НХЛ).

³² Парковая и историческая зона в центре Виннипега, у места впадения реки Ассинибойн в Ред-Ривер.

– ...ошеломляющая новость о том, что лидер Новой Демократической партии принял решение не переизбираться на новый срок, – говорила Сьюзан Боннер. – Мы связались с политическим аналитиком Оттавы Хэйденом Тренхольмом. – Мистер Тренхольм, что вы можете сказать по поводу данного заявления?

Мужской голос с едва заметным приморским акцентом³³:

– НДП была лидером выборной кампании 2015 года, однако серьёзно споткнулась под руководством Тома Малкера, своего лидера на тот момент. И пришедший ему на смену также не сумел ничем удивить. Но если они найдут кого-нибудь, способного повести за собой людей с разных краёв политического спектра, новые демократы смогут получить немало интересных преимуществ. Конечно, они безуспешно занимаются поисками подобной личности с тех пор, как в 2011 году скончался Джек Лейтон...

Я припарковал машину и вышел на прохладный вечерний воздух. Я заказал для нас столик в «Сиднис», престижном ресторане, разместившемся в столетнем здании бывшего паровозного депо Трансканадской железной дороги. Кайла уже была там, когда я вошёл (мне начала нравиться её пунктуальность), и – как это мило! – уже попросила официантку принести вегетарианское меню для меня. Нам достался большой стол у полукруглого окна с видом на слияние Ред-Ривер и Ассинибойн. На Кайле были переливающийся синий топ и серые брюки.

– Итак, – сказал я, когда мы сделали заказы, – за ланчем ты рассказывала о квантовой физике сознания.

Она отпила вина.

– Это так. Я работаю в паре с Викторией Чен. Как я уже говорила, она разработала систему, способную обнаруживать квантовую суперпозицию в нервной ткани.

– Я, конечно, не физик, но я как-то не думал, что квантовые эффекты вроде этого происходят в живых организмах.

– О, они определённо присутствуют в некоторых биологических системах. К примеру, мы с 2007 года знаем, что существует квантовая суперпозиция в хлорофилле. Энергетическая эффективность фотосинтеза – девяносто пять процентов, а это лучше, чем всё, что мы способны спроектировать. Растения достигают её, используя квантовую суперпозицию, чтобы испробовать сразу все возможные пути между светочувствительными молекулами и протеинами, являющимися центрами реакции, так что энергия всегда перекачивается по наиболее энергоэффективному маршруту; это пример биологических квантовых вычислений. Вики интересовало, как растениям удаётся это делать при комнатной температуре; мы вынуждены охлаждать наши квантовые компьютеры до температуры лишь на долю градуса выше абсолютного нуля, чтобы получить суперпозицию. Ну а я, как я упоминала за ланчем, давно интересовалась моделью Пенроуза-Хамероффа, которая утверждает, что именно квантовая суперпозиция в микротрубочках нейронной ткани порождает сознание. Так что я убедила Вики позволить мне испытать её методику на людях, чтобы посмотреть, действительно ли в человеческом мозгу присутствует квантовая суперпозиция.

– И?

– И представь себе, она там действительно есть. Не совсем то, что предлагали Хамерофф и Пенроуз, но это определённо открывает новое направление для исследований. – Она издала радостный вздох. – Подозреваю, что нам с Вики придётся поделиться нобелевкой с одним из них – одну нобелевку присуждают максимум троим, так что Стюарту и Роджеру придётся решить между собой, кто из них станет лауреатом.

– Ха.

³³ Акцент, характерный для канадских провинций Нью-Брансуик, Новая Шотландия и Остров Принца Эдуарда, расположенных на побережье Атлантического океана.

– Видишь ли, они думали, что сознание существует в моменты коллапса из суперпозиции в состояние классической физики, что каждый момент такого коллапса – это момент сознания, сорок или около того в секунду. Это была интересная теоретическая модель, когда они её предложили в 1990-х, однако Виктория показала, что суперпозиция в микротрубочках, в отличие от любых других структур тела, поддерживается неограниченно долго – вероятно, это их постоянное свойство.

Я нахмурился.

– Но я думал, что квантовая суперпозиция – хрупкая штука. Разве она не распадается?

– Насколько мы можем утверждать, нет. Никогда – по крайней мере пока человек жив.

– И почему?

– Вики называет это «инерцией запутанности», и, я бы сказала, это революционное открытие, достойное собственной Нобелевской премии. Видишь ли, единственный электрон декогерирует очень быстро, выпадая из суперпозиции, однако бесчисленные триллионы электронов одного и того же мозга по какой-то причине спаяны друг с другом способом, не предусмотренным квантовой теорией, и поэтому здесь действуют законы вероятности. В любой момент времени любой из них может «захотеть» декогерировать в классическое состояние, но этого не произойдёт, пока того же не «захочет» большинство из них. Компьютерное моделирование показывает, что такое пороговое состояние никогда не достигается – по крайней мере при нормальных условиях. Внешняя сила – скажем, анестетик – способна заставить суперпозицию декогерировать, но в отсутствие чего-то подобного суперпозиция не коллапсирует никогда. Просто продолжает существовать.

Я сделал потрясённое лицо.

– Она это уже опубликовала?

Кайла покачала головой:

– Статья на стадии реферирования в «Нейроне».

– Должно быть, интересная будет работа.

– Я пришлю тебе препринт. Но это только первая из серии статей; у нас выходит ещё одна в «Физика жизни: обзор».

Я отхлебнул вина из своего бокала.

– Да? И о чём она?

– Пенроуз предположил, что каждая макромолекула тубулина имеет одну двудольную гидрофобную полость с одним-единственным свободным электроном. Однако он также мимоходом заметил, что может быть и *множество* гидрофобных полостей с одним электроном в каждой. И это как раз то, что мы с Вики открыли: оказалось, что на самом деле в каждой макромолекуле тубулина *три* такие полости.

– И что это дает?

– Все макромолекулы тубулина в мозгу квантово запутаны, то есть пребывают в одинаковом состоянии: комбинация суперпозиционированных и классических электронов одна и та же во всём тубулине мозга конкретного человека.

– О.

– Это значит, что каждый человек пребывает в одном из восьми возможных состояний: все три полостных электрона в классическом состоянии, все три в суперпозиции или ещё шесть комбинаций, когда один или два электрона в классическом состоянии, а остальные в суперпозиции.

– Круто.

– Спасибо. Так вот, мы считаем, что не имеет значения, какой именно электрон в суперпозиции, а какой – нет: электроны, как и все субатомные частицы, взаимозаменяемы. Так что на самом деле есть лишь *четыре* состояния вместо восьми: нет электронов в суперпозиции;

любой из трёх в суперпозиции, любые два в суперпозиции и все три в суперпозиции. Другими словами, классическое состояние и три состояния с квантовой суперпозицией: Q1, Q2 и Q3.

– Понятно.

– И ты мне понадобился из-за состояния Q2; именно здесь моя работа пересеклась с твоей. Я прогнала через Викин ускоритель несколько сотен добровольцев – тест занимает совсем немного времени – и обнаружила, что у каждого из них хотя бы один электрон находится в суперпозиции.

Никто не показал классического состояния: у всех либо Q1, либо Q2, либо Q3. И каждая из этих трёх когорт меньше предыдущей; их численности соотносятся как 4:2:1, каждая следующая группа вдвое меньше предыдущей. Примерно у шестидесяти процентов наших подопытных в суперпозиции только один электрон; у тридцати процентов – два, и где-то у пятнадцати в суперпозиции все три электрона.

– Полагаю, это как с жонглированием, – сказал я. – Один шар держать в воздухе легко, два – уже тяжелее, три – не у каждого получится.

– Да, мы тоже об этом подумали. Предположим, что эта пропорция верна для всего человеческого рода. Пусть на Земле живёт семь миллиардов человек – на самом деле ближе к 7,7, но предположим, что пропаганда сексуального воздержания принесла плоды, и округлим, – получается, что в первой когорте четыре миллиарда человек, во второй два миллиарда, и в третьей всего один.

– Так.

– И меня заинтересовало, – продолжила Кайла, – а нет ли каких-то физиологических различий между тремя когортами? Так что я организовала стандартное пятифакторное тестирование показателей личностных качеств для каждого испытуемого, и – *бинго!* – все наши Q2 дали результаты, коррелирующие с психопатией.

– А-а, – до меня наконец-то дошло. – Ты получила триаду маркеров возможности психопатии: низкая добросовестность, низкая общительность и высокая экстравертность.

– Именно! Получила практически тот же результат, применив НЕХАСО, так что мы перешли к личностному психопатическому опроснику Лиленфельда и опроснику Хейра и обнаружили почти полную корреляцию между психопатией и наличием двух суперпозиционированных электронов из трёх – не важно, каких именно. Таким образом мы подтвердили постулат о взаимозаменяемости. Но если у тебя два из трёх, то ты психопат. – Она подняла руку, предваряя вопрос: – Не обязательно буйный, вовсе нет. Это может быть один из тех, кого Хейр называл «змея в костюме» – безжалостный бизнесмен. Тем не менее это явная очевидная связь – как твоя методика с микросаккадами.

– Ты сказала, что около тридцати процентов твоей тестовой группы были Q2?

– Ага, причём мужчин и женщин поровну.

– Мой микросаккадный тест давал такой же процент и такой же половой баланс. А тебя не тыкали носом, как меня, в то, что распространённость психопатии получается гораздо выше общепринятой?

Она улыбнулась.

– Как раз в этом месте нашей статьи мы процитировали тебя, но да, мы ожидаем, что референты из «Физики жизни» прицепятся к нам из-за этого.

Я кивнул. Как, я уверен, было известно Кайле, большинство старых работ оценивали распространённость психопатии от одного до четырёх процентов для мужчин и вдесятеро меньше для женщин. Однако такие результаты получались вследствие особенностей выборки. Взять Кента Килля, одного из аспирантов Хейра, который провёл первое в мире сканирование мозга психопата – отличная работа, надо сказать. Поначалу он проводил исследования в университете Британской Колумбии, где при нехарактерном содействии со стороны канадского Министерства коррекции имел возможность переводить буйных заключённых, показавших высо-

кий результат при тестировании по опроснику Хейра, в больницу, где, в свою очередь, им делали ФМРТ; предпринимаемые при этом меры предосторожности были достойны голливудской постановки.

Однако когда Кента переманили в Йель заманчивым предложением – он запросил вдвое бóльшую зарплату, чем у его канадских коллег, и получил ответ: «О, мы можем платить и больше», – то он немедленно упёрся в стену. Он надеялся работать с психопатами всего Нью-Хейвена: людьми с криминальным прошлым, но уже отбывшими срок. Однако обнаружил (какая неожиданность!), что психопаты весьма неаккуратно выполняют договорённости об участии в научных экспериментах, а те немногие, что всё-таки приходят, часто оказываются слишком пьяными или настроенными слишком враждебно, чтобы от них была хоть какая-то польза.

Тем не менее одна из глав книги Кента «Психопаты. Достоверный рассказ о людях без жалости, без совести, без раскаяния» открывается смелым заявлением: «Факт: В мире больше двадцати девяти миллионов психопатов». Если прочитать сноску к этому утверждению, выясняется, что это число получено, исходя из предположения, что процент психопатов, сидящих в тюрьмах, в точности соответствует распространённости психопатии среди всего населения, однако за решёткой оказываются лишь достаточно тупые, чтобы попасться. С их способностями к манипулированию и обману психопаты почти наверняка попадают гораздо реже, чем нормальные люди, – вопреки примеру моего приятеля Девина Беккера.

Опять же Кент утверждает, что мужчин-психопатов вдесятеро больше, чем женщин. Почему? Как же, говорит он, смотрите, в тюрьмах мужчин-психопатов в десять раз больше, чем женщин, – и это правда – но правда и то, что мужчин-левшей в тюрьме тоже вдесятеро больше, чем левшей-женщин, как и рыжеволосых мужчин, и мужчин, которые любят пиццу с анчоусами, – просто потому, что мужчин за решёткой в десять раз больше, чем женщин.

До моей работы и теперь вот Кайлиной *никто* не знал, сколько психопатов в мире на самом деле. Двадцать девять миллионов? Нетушки, Кент! Два сраных *миллиарда* – тридцать процентов населения Земли, двое из каждых семи человек.

Официантка принесла наши заказы. Когда она отошла, я сказал:

– А что насчёт двух других когорт – ну, с одним электроном в суперпозиции и с тремя?

Кайла пожала плечами:

– Я не смогла найти никакой разницы между Q1 и Q3. Нет; насколько я могу судить, существует лишь два типа сознания, по крайней мере с точки зрения квантовой механики: психопатическое Q2 и нормальное.

– Как ты думаешь, оно наследуется?

– Непохоже, что оно передаётся по наследству. Бывают люди, чьё состояние такое же, как у их родителей, братьев-сестёр или детей, но нельзя сказать, что их непропорционально много. И, насколько мы можем судить, люди не меняют своё состояние – мы провели столько повторных обследований, сколько смогли себе позволить, и не зафиксировали ни одного случая смены когорты.

– Потрясающе, – сказал я. Всё ещё изумляясь обстоятельствам, что снова свели нас вместе после стольких лет, я добавил: – Надо же, как совпало, что мы оба в конце концов заинтересовались психопатией.

В голосе Кайлы блеснул лёд:

– Это не совпадение, Джим.

– Что?

Она уставилась на меня, и я посмотрел ей в глаза – но долго не выдержал.

– Я заинтересовалась психопатией из-за тебя, – сказала она. – Из-за тех ужасных вещей, что ты тогда натворил.

Двадцать лет назад

– Добрый вечер, Джим. Спасибо, что пришёл снова.

В руках Джим Марчук держал пластиковый пакет с зелёным логотипом «Макнелли Робинсон».

– Без проблем, профессор. Хотя я не думал, что кто-то будет работать тридцать первого декабря.

– О, рождественские каникулы – моё любимое время в кампусе, – ответил Менно. – Тишь и благодать. Летом тоже здорово – кампус почти пустой, и погода получше, но в Рождество лучше всего – всё словно вымерло.

– Университеты были бы прекрасным местом, если бы не студенты, – в тон ему ответил Джим.

– Нет-нет-нет, – сказал Менно. – Факультетские дела – вот от чего я готов лезть на стену. Собрания факультета, заседания комиссий, ужин в честь выхода на пенсию такого-то, празднование дня рождения сякого-то. Сейчас же, когда почти все разъехались, можно наконец сосредоточиться.

– Ха, – согласился Джим.

– Ты планировал сегодня куда-то успеть?

– Типа того. Собирались с друзьями к Гарбонзо³⁴ – потусить, посмотреть Эда-Носка³⁵ во «Фромаже»³⁶.

– Уверен, что ты говоришь о чём-то осмысленном, – сказал Менно. – Ладно, мы тебя отпустим задолго до полуночи.

– Да я и сам был рад прийти, – ответил Джим. – В общаге как-то тоскливо. Но родители уехали в круиз на двадцатипятилетие свадьбы, так что ехать в наш Коровинск³⁷ тоже нет смысла.

Вошёл Доминик Адлер с «Марком II» в руке.

– Это не тот шлем, что раньше, – заметил Джим, но в его голосе не было никакой тревоги; он просто поддерживал разговор, и шлем был лучшей темой, чем погода.

– Верно, – согласился Доминик. – Совершенно новая конструкция. – Они надеялись, что использование транскраниального сфокусированного ультразвукового пучка – новой методики стимуляции мозга, с которой экспериментировало Министерство обороны, – позволит усилить фонемы достаточно для того, чтобы они проявились на фоне шумов.

– Здорово, – сказал Джим, протягивая руку за шлемом. К его поверхности были прикреплены различные модули, и вдобавок к тем, что выглядели, как колода карт, были ещё два – по одному с каждой стороны, – похожие на зелёные хоккейные шайбы.

– Надевай, – сказал Доминик.

Джим натянул шлем на голову, и Доминик склонился над ним, изменяя различные настройки.

– Этот сидит плотнее, чем старый, – заметил Джим.

³⁴ «Garbonzo's Pizza Pub» – популярный бар в Виннипеге.

³⁵ Популярный кукольный персонаж на канадском телевидении.

³⁶ «Fromage» – новогодняя программа на канадском телевидении с участием Эда-Носка, пародирующая худшие музыкальные клипы года.

³⁷ «Cow Town» (с *англ.*) – «город коров», насмешливое прозвище Калгари, центра скотоводства и мясной промышленности.

– Да. Мы подумали, что, может быть, в старой конструкции терялась юстировка³⁸. – Дом опустил подбородочный ремешок и затянул его. – Ну, как смотрится?

Джим взглянул на Менно, словно ожидая оценки своей внешности, но Менно всматривался в осциллоскоп, который показывал толстую беспорядочную линию пара-слухового сканирования³⁹.

– Думаю, всё нормально, – сказал Менно.

– О'кей, – ответил Доминик. Он посмотрел на свои часы с калькулятором, потом добавил: – Иди сядь в соседней комнате, Джим.

Джим вышел в коридор, вошёл в помещение за стеклянной стеной и опустился в крутящееся кресло.

Менно включил кассетный магнитофон, к которому был подключён небольшой микрофон на пластмассовой ножке.

– Проект «Ясность», второй этап, тест номер четырнадцать, тридцать первое декабря 2000-го, 19:49. Выполняют: Доминик К. Адлер и Менно Уоркентин. Испытуемый ДМ.

Менно посмотрел на Дома; тот сказал:

– О'кей. Да будет рок-н-ролл.

Менно кивнул и напечатал «выполнить» на консоли своего компьютера. Он занёс толстый указательный палец над кочергой клавиши «Enter», сделал глубокий вдох и нажал её.

По ту сторону стекла у сидящего в кресле Джима голова откинулась назад, словно он крепко задумался о чём-то, уставившись при этом в потолок.

Менно и Дом обменялись взглядами. Менно остановил программу, затем нажал клавишу интеркома.

– Джим?

Никакого ответа.

– Джим? – повторил Дом, словно молодой человек мог услышать его, даже если не услышал Менно. – С тобой всё в порядке?

– Вот дерьмо, – выругался Менно, показывая на осциллоскоп, демонстрировавший совершенно ровную горизонтальную линию.

Доминик выпучил глаза, и они оба бросились к двери, сделали поспешный разворот в коридоре и ворвались в тестовую камеру.

– Джим! – крикнул Менно, склоняясь над ним.

Доминик наклонил голову Джима вперёд, мягко нажав на затылочную часть шлема. Подбородок молодого человека ткнулся в грудь.

Менно попытался нащупать пульс у Джима на правом запястье. Непривычное к операции, которую он так часто видел по телевизору, его собственное сердце панически заколотилось, но потом ему наконец удалось ощутить ритмичное биение лучевой артерии – размеренное и сильное, с нормальной частотой.

– Это просто обморок.

– Может быть, шлем *слишком* тесный? – предположил Доминик и расстегнул подбородочный ремешок, затем стянул шлем с головы и осторожно – в конце концов, он стоил шестьдесят тысяч долларов – положил его на пол. – Возможно, пережало какой-нибудь сосуд.

Менно попробовал ещё кое-что, виденное по телевизору: резко хлопнул Джима по одной щеке, потом по другой.

– Давай, – сказал он. – Просыпайся. – Но Джим никак не отреагировал. Менно поднёс руку к носу Джима и ощутил его дыхание – тёплое и ровное – у себя на ладони.

– Что нам делать? – спросил Доминик.

³⁸ Она же «регулировка» или «калибровка».

³⁹ Para-auditory scan (англ.).

– Давай спустим его с кресла на пол, пока он не упал.
Они уложили Джима на спину.
– Он не потеет, – сказал Менно. – Дыхание не затруднено. Он просто...
– Без сознания.
– Ага.
– Но остальные, кого мы тестировали, – сказал Дом, – те, у кого обычно *нет* внутреннего голоса, – с ними ничего не случилось.
– Верно.
– Так что, – продолжил Доминик с отчаянием в голосе, – какого же хрена он не просыпается?
– Я не знаю, – ответил Менно, – но нам придётся вызвать «Скорую».
– Нет, нельзя этого делать.
– Но он без сознания.
– Будет слишком много вопросов. «Ясность» – засекреченный проект.
– Да, но этот парень...
– Послушай, – сказал Доминик. – Он дышит. Пульс стабильный.
– А что, если он впал в кому? Ему нужно в больницу. Скоро ему понадобится вода. Еда. Туалет, в конце концов.
– Да, но как мы объясним...
– Да плевать! – рявкнул Менно. – Мы не можем за ним ухаживать.
– Мы связаны соглашением о неразглашении.
– Хватит, Доминик! – Менно сделал глубокий вдох. – Хорошо, ладно. Ладно. Давай вынесем его отсюда, из лаборатории. Отнесём вниз, ну, я не знаю... в туалет. Потом скажем, что споткнулись об него, нашли его без сознания. Новый год, всё такое – подумают, что ещё один упившийся студент.
– Пока не возьмут анализ крови.
– Слушай, я не собираюсь просто его бросить. Ты поможешь мне его отнести или нет? Доминик на секунду задумался.
– Что, если нас увидят?
– Все уже ушли. Давай!
Доминик медлил.
– Да ради бога, Дом. Если я потащу его один, на одежде останется грязь, а след будет вести сюда.
Дом нахмурился, затем нагнулся и подхватил Джима за лодыжки. Менно кивком поблагодарил его и ухватил Джима за руки чуть ниже плеч. Они подняли его так, чтобы пятая точка оторвалась от пола на несколько дюймов, и понесли; Доминик пятился спиной вперёд. На пороге они на секунду опустили Джима на пол, и Доминик открыл дверь. Он убедился, что горизонт чист, затем снова подхватил лодыжки, и они быстро понесли Джима по коридору мимо закрытых дверей; маленькие окошки в них – не более чем тёмные квадраты.
Они как раз проходили мимо женского туалета – дверь в мужской была следующей, – когда Менно услышал стон. Он посмотрел вниз и увидел, что глаза Джима распахнуты и белки видны по всей окружности радужки.

* * *

Слух восстановился, и зрение тоже. Вверху двигались флуоресцентные трубки, спрятанные за матовыми панелями.

Мужской голос:

– Доминик, стой. – Потом тот же самый голос: – Джим, гмм, ты, э-э... отключился. Как ты себя чувствуешь?

Требовался ответ – ответ был дан:

– Я в порядке.

Руки освободились, ноги тоже. Давление на спину.

Другой голос:

– Ты можешь встать?

Колено согнулось; ладони упёрлись в пыльный пол. Слово «да» было произнесено, пока руки двигались, отряхивая пыль.

Первый голос:

– Ты нас насмерть перепугал.

Тишина. Затем, заполняя паузу:

– Со мной всё будет хорошо.

– Да, да, – быстро произнёс второй голос. – Конечно.

* * *

Через несколько часов после того, как Джим отправился на свое носочно-сырное мероприятие – что бы это ни было, – Доминик с Менно всё ещё были в лаборатории, пытаясь разобраться в том, что произошло. Дом сидел на трёхномом стуле, просматривая распечатки показаний осциллоскопа, демонстрирующие, как шум в слуховой коре Джима пропал в точности в тот момент, когда он потерял сознание. На стене у него за спиной удерживаемая двумя акриловыми скобами висела сувенирная бейсбольная бита – в память о победе «Торонто Блю Джейз» в двух мировых сериях подряд. Менно, прислонившись к противоположной стене, рассматривал её и лениво раздумывал о том, каково быть нетопырём⁴⁰.

Его раздумья были прерваны Домиником, который сказал, казалось, уже в сотый раз:

– Да чёрт возьми, мы ведь только пытались усилить фонемы, чтобы они стали различимыми на фоне внутреннего голоса. Что здесь могло пойти не так?

– Я не знаю.

– Значит, у нас есть люди вроде Джима, – сказал Дом, – у которых есть внутренний голос, и есть другие... как их назвать? Безмонологовые? Невнутриговорящие? – Он покачал головой. – Дурацкие названия.

– Да уж, – тихим голосом подтвердил Менно, но его сердце тревожно затрепыхалось. – Но вообще-то есть общепринятый термин для людей без внутреннего голоса по крайней мере в моей области...

12

Наши дни

– О'кей, – сказал я, осматривая своих первокурсников, – кто из вас приезжает по утрам в университет на машине?

Примерно треть студентов подняли руки.

– Не опускайте руки. Остальные: у кого из вас есть работа, на которую вы ездите на машине каждый день?

Ещё примерно треть подняли руки.

⁴⁰ Труднопереводимая игра слов. «Каково быть нетопырём?» (*What Is It Like to Be a Bat?*) – книга Томаса Нагеля о субъективности восприятия. Слово «bat» в английском языке может означать как летучую мышь, так и дубину, палку и, в частности, бейсбольную биту.

– Хорошо. Теперь не опускайте руки, если с вами хоть раз случилось следующее: вы прибывали в пункт назначения – на учёбу, на работу или ещё куда, – не имея никаких воспоминаний о том, как вы вели машину.

Большинство рук осталось поднятыми.

– Круто, – сказал я. – Опустите руки. Теперь подумайте вот о чём: вы выполняли сложную работу – вели машину весом более тонны, встраивались в транспортные потоки, избегали столкновений, выполняли требования дорожных знаков, соблюдали правила дорожного движения, – и всё это вы делали без участия сознания; то есть, когда вы делали это, ваш разум был занят другими вещами.

Рассмотрим другой пример: кто из вас когда-либо, читая книгу – не одну из моих, понятное дело, какую-то другую, – доходил до конца страницы и осознавал, что не имеет понятия, о чём была эта страница?

И снова поднялось множество рук.

– Вы можете сказать, что управление машиной (то, что несведущие люди называют мышечной памятью, хотя правильное название для этого «процедурная память») – как и те вещи, которые вы делаете не думая: отбиваете мяч в теннисе или играете на музыкальном инструменте. Но что можно сказать о примере с чтением? Ваши глаза пробегают строчку за строчкой, и на каком-то уровне ваш мозг предположительно распознаёт и обрабатывает слова. Можно разработать базовые тесты, которые покажут, что слова фиксируются. Если на странице упоминается, скажем, дикобраз и вас попросят назвать любое млекопитающее, то вы с высокой вероятностью назовёте дикобраза, несмотря на то что ваш разум витал неизвестно где во время чтения и вы говорите, что не имеете никаких воспоминаний о содержимом страницы. Так что чтение не может быть отброшено как ещё один пример мышечной памяти, когда ваши глаза движутся, ничего на самом деле не видя, однако вы можете читать, не уделяя этому осознанного внимания.

Я сделал паузу, чтобы дать этой информации усвоиться, потом продолжил:

– Таким образом, это правда, что иногда вы способны выполнять сложные действия, не уделяя им полного внимания своего сознания. И, логически рассуждая, раз вы способны это делать время от времени, то вполне вероятно, что есть люди, которые делают это всё время. Конечно, мы никак не можем этого видеть, верно? Когда вы читаете, но не усваиваете прочитанное, то никто со стороны не может догадаться об этом. Когда вы ведёте машину, не думая об этом, то, если бы у этого был какой-то внешний признак – скажем, у вас закатывались бы при этом глаза, – можете быть уверены, полиция сразу бы это заметила. Однако такого признака нет.

Я отхлебнул кофе из стоящей на кафедре чашки и продолжил:

– И тут мы подходим к одному из знаменитейших мысленных экспериментов в философии. Вообразите себе существо, которое не только всегда ездит на машине, не уделяя внимания процессу, не только всегда читает книги, не задумываясь об этом, но которое делает так всё, ничему при этом не уделяя внимания. С подобным описанием чаще всего ассоциируется имя австралийского философа Дэвида Чалмерса. Он утверждает, что логично представить себе – и подобное представление не содержит внутренних противоречий – целую планету, населённую такими существами: созданиями, в которых горит свет, но никого нет дома, созданиями, которые в буквальном смысле бездумны. – Ещё глоток кофе, и затем: – Кто может предположить, как следует называть подобных существ?

Мне всегда нравится задавать этот вопрос, и студенты никогда меня не разочаровывают.

– Политики! – крикнул один.

– Футболисты! – другой.

– Почти что угодно было бы улучшением по сравнению с термином, которым мы пользуемся в реальности. Такое существо называется «философский зомби» или «зомби философа». Ужасное название, ведь это не живые мертвецы, они не шаркают, не волокут ноги. В плане поведения они неотличимы от нас. К сожалению, вариант «философский зомби» встречается в литературе гораздо чаще, чем «зомби философа», хотя это и лишено смысла: уж каким-каким, а философским подобное существо будет вряд ли. О, оно может говорить то, что обычно говорят философы («Из А вполне может следовать Б», или «Да, но как вы можете быть уверены, что ваше восприятие красного такое же, как моё восприятие красного?», или «Возьмите к этому картошку фри?»), но оно просто прикидывается философом. У него не будет никакой внутренней жизни, никакого осознания прожитого. Так вот, поскольку такое существо не имело бы отношения ни к философии, ни к зомби, я предпочитаю для него какое-нибудь нейтральное наименование, например «эф-зэ», каковым и предлагаю пользоваться в дальнейшем.

Один из студентов, мускулистый парень по имени Энзо, поднял руку.

– Профессор, если всё это правда – если такое вообще возможно, – то как мы можем определить, что вы – не эф-зэ?

– И правда – как? – ответил я, блаженно улыбаясь всему классу разом.

Двадцать лет назад

– Мы должны попробовать снова, – твёрдо заявил Доминик 2 января 2001 года.

– Ты сбрендил? – возмутился Менно. – Ты видел, что случилось с тем парнем, Джимом Марчуком?

– Именно поэтому мы и должны попробовать снова. Сейчас у нас одна-единственная точка на графике. Мы не можем на её основе делать какие-то выводы.

– Этот парнишка едва не умер. Что, если бы он не пришёл в себя?

– Но он *пришёл* в себя. И вообще-то мы даже не уверены, что это наша аппаратура его отключила.

– Ой, да ладно! Это случилось в момент, когда мы активировали шлем. Что *ещё*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.